

Восточный вопрос отъ Парижскаго мира до Берлинскаго конгресса.

I.

Парижскій миръ.

Севастопольская война началась изъ-за спора о «святыхъ мѣстахъ». Но мы тщетно стали бы искать «святыхъ мѣстъ» въ тѣхъ переговорахъ, которые привели въ 1856 г. къ заключенію мира. Въ основаніе этого мира легли такъ-называемыя «четыре гарантіи», выставленныя вѣнскими нотами 8 августа 1854 г. Лишь послѣдняя изъ этихъ гарантій касается вопроса, вызвавшаго войну, притомъ касается въ самой общей формѣ: рѣчь здѣсь идетъ о правѣ русскаго императора быть опекуномъ православныхъ подданныхъ султана. Главная же изъ «гарантій», третья, говоритъ о вопросѣ «святымъ мѣстамъ» и вообще религіи совершенно постороннемъ: о пересмотрѣ лондонскаго трактата 1841 г. касательно права плаванія въ *проливахъ*, Босфоръ и Дарданеллахъ. Когда начинали войну, о проливахъ не говорили ни слова. Когда пришлось ее кончать, говорили только о нихъ и, по связи съ ними, о Черномъ морѣ, при чемъ разговоры оказались такими сложными, что миръ могъ быть заключенъ лишь спустя годъ послѣ того, какъ представители воюющихъ сторонъ впервые обмѣнялись своими мнѣніями объ условіяхъ этого мира.

Къ веснѣ 1855 г. и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, одинаково стали привыкать къ мысли, что война кончится, можетъ-быть, въ ничью. Осада Севастополя длилась уже шестой мѣсяцъ безъ всякихъ осязательныхъ результатовъ. На парижскихъ бульварахъ громко говорили, что Севастополя «никогда не возьмутъ», и, чтобы прекратить эти разговоры, пришлось прибѣгать къ полицейскимъ репрессіямъ. Мира единодушно желали всѣ, а такъ какъ императора Николая I считали главнымъ виновникомъ войны и главной помѣхой миру, смерть этого государя вызвала въ Парижѣ необычайное ликованіе. Биржевые курсы, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ непрерывно падавшіе, отмѣтили это извѣстіе скачкомъ вверхъ, рѣдкимъ въ биржевыхъ лѣтописяхъ: рента выиграла въ одинъ день 3 франка, а *Crédit mobilier* — цѣлыхъ 52. Что въ основѣ настроенія лежали именно надежды на миръ, показываетъ одновременный подъемъ *русскихъ* цѣнностей. Всѣ и все покупали — никто не хотѣлъ продавать.

Въ этомъ настроеніи было много наивнаго. Прежде всего Николай I вовсе не былъ главнымъ препятствіемъ къ миру, какъ не былъ онъ и виновникомъ войны, по крайней мѣрѣ, непосредствен-

нымъ¹⁾. Уже 28 ноября предшествующаго 1854 года русское правительство выразило согласіе вести переговоры на основѣ «четырехъ гарантій». За нѣсколько дней до смерти Николай подписалъ полномочія русскихъ представителей на конференціи, которая должна была открыться въ Вѣнѣ, тогда юридически еще нейтральной, хотя уже съ декабря 1854 г. Австрія была связана съ осаждавшими Севастополь державами формальнымъ союзомъ. Инструкціи этихъ уполномоченныхъ, столь знаменитаго впослѣдствіи кн. А. М. Горчакова и Титова, не были измѣнены Александромъ II ни въ одномъ словѣ; переговоры должны были начаться на основаніяхъ, утвержденныхъ Николаемъ I. Но эти основанія отнюдь не гарантировали быстрого заключенія мира. Русское правительство соглашалось, правда, почти безъ споровъ на все—за исключеніемъ одного пункта: вопроса о проливахъ. Но его противники не собирались говорить ни о чемъ другомъ; все остальное въ ихъ глазахъ были мелочи. И въ то время, какъ въ Петербургѣ—на этотъ разъ наивность была съ его стороны—разсчитывали держаться въ вопросѣ о конвенціяхъ 1841 г. на оборонѣ, «морскія державы» твердо рѣшили вести въ этомъ пунктѣ самую энергичную дипломатическую атаку. Отказаться отъ города Севастополя, разъ онъ обходился чересчуръ дорого, это было возможно. Для поддержанія престижа власти можно было тащить въ судъ исправительной полиціи посѣтителей бульварныхъ кафе, сомѣвавшихся въ конечномъ успѣхѣ французскаго оружія, но такія же точно сомнѣнія можно было встрѣтить въ дѣловой перепискѣ людей, заправлявшихъ виѣшной политикой Франціи, и даже въ частныхъ бесѣдахъ самого императора французовъ. Отъ военнаго триумфа соглашались отказаться, но лишь въ обмѣнъ на полную дипломатическую побѣду. Городъ Севастополь могъ остаться въ русскихъ рукахъ и незапятнаннымъ вступленіемъ вражескихъ войскъ въ его стѣны. Но оставить на Черномъ морѣ флотъ, которому этотъ городъ служилъ базой, значило попросту признаться въ своемъ пораженіи, а союзники отнюдь еще не были въ такой крайности.

Къ мысли о крайности не хотѣли привыкнуть, однакоже, и въ Петербургѣ. Тому, кто диктовалъ инструкціи кн. Горчакову, очевидно, и въ голову не приходило, что Россіи придется уступать что-нибудь свое, кровное. При нѣкоторой внимательности, похоронный звонъ черноморскому флоту можно было услышать еще за два мѣсяца до открытія вѣнскихъ конференцій, въ январѣ 1855 г. «Я не понимаю,—говорилъ тогда австрійскій премьеръ, гр. Буоль, тому же кн. Горчакову,—въ чемъ смыслъ того громаднаго флота, который вы держите на Черномъ морѣ? По трактатамъ, это море—закрытое озеро; это тюрьма для вашихъ кораблей и въ то же время это постоянная угроза Турціи и постоянный поводъ для недовѣрія къ вамъ со стороны Европы. Разъ вы не хотите завоевывать Турціи²⁾, какой вамъ расчетъ держать безъ употребленія такія силы? Русскій императоръ, конечно, хозяинъ своего флота, онъ можетъ держать сколько ему угодно кораблей въ любомъ изъ своихъ портовъ, но не выгодно ли было бы для него обезпечить своимъ военнымъ судамъ свободный проходъ черезъ Дарданеллы, а въ обмѣнъ на это успокоить опасенія Европы, возбужденной чрезмѣрнымъ скопленіемъ силъ въ Севастополѣ?» Въ

¹⁾ См. *Edm. Bapst*. «Les origines de la guerre de Crimée». Paris. 1912.

²⁾ Тутъ было не безъ ироніи со стороны Буоля, конечно: имп. Николай постоянно съ аффектаціей заявлялъ, что у султана нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ Россія.

Петербургъ услышали изъ всей этой тирады то, что желали слышать. Буоль предлагаетъ открыть проливы, закрытые лондонскими конвенціями 1841 г.? Отлично: Горчакову дается полномочіе согласиться на открытіе проливовъ для всѣхъ флаговъ, не исключая, понятно, и русскаго. Такъ какъ проливы принадлежали Турціи, то въ сущности это была торговля правами султана. Но не спрашиваться же этого послѣдняго, когда рѣчь идетъ объ интересахъ Россіи, съ одной стороны, Англіи и Франціи—съ другой? Когда Горчаковъ выступилъ на конференціи въ духѣ своихъ инструкцій, собесѣдники Россіи поняли, что она туга на ухо, и что съ нею нужно говорить громче и яснѣе. Болѣе другихъ живой и нетерпѣливый французскій уполномоченный произнесъ слова: «нейтрализація Чернаго моря». Горчакову и его товарищу это показалось шуткой—и такъ какъ не отставать же имъ было въ остроуміи отъ француза, они предложили со своей стороны нейтрализацію Средиземнаго моря. Видя такую непонятливость, подоспѣвшій тѣмъ временемъ на конференцію французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ де-Люи, заговорилъ языкомъ, почти уже не дипломатическимъ. «У васъ нѣтъ теперь флота на Черномъ морѣ,—говорилъ онъ.—Тамъ господствуемъ теперь мы. Отъ насъ зависитъ, позволимъ мы вамъ снова завести тамъ флотъ или нѣтъ и на какихъ условіяхъ». Горчаковъ отказался обсуждать подобный вопросъ, но телеграфировать въ Петербургъ о такомъ, совершенно неожиданномъ, по его мнѣнію, оборотѣ дѣла. Изъ Петербурга отвѣтили, что никакого умаленія державныхъ правъ російскаго императора въ какой бы то ни было части его владѣній допущено быть, разумѣется, не можетъ. При этомъ вспомнили о традиціонной дружбѣ Россіи къ Турціи, хотя въ настоящую минуту она коварствомъ «морскихъ державъ» и была вовлечена въ войну съ Россіей, и указали на то, что нейтрализація Чернаго моря угрожаетъ великими бѣдами независимости султана. Логически обосновать этотъ послѣдній пассажъ—что отъ исчезновенія русскаго черноморскаго флота султану можетъ грозить бѣда—было бы, вѣроятно, не легко кн. Горчакову. Но его собесѣдники и не потребовали отъ него такого усилія. Услыхавъ петербургскій отвѣтъ, Друэнъ де-Люи заявилъ, что больше ему нечего дѣлать въ Вѣнѣ; и къ нему всецѣло присоединился его англійскій коллега, лордъ Россель. Кн. Горчаковъ внесъ еще нѣсколько проектовъ, но наслаждаться ихъ безподобной французской прозой (Горчаковъ, какъ стилистъ, высоко цѣнился въ тогдашнемъ дипломатическомъ мірѣ и еще выше самъ себя цѣнилъ) могли уже только австрійцы, въ качествѣ хозяевъ стѣснявшіеся уйти изъ комнаты раньше гостей. Горчаковъ долго надѣялся, что французы и англичане придутъ въ себя, поймутъ, какую они предлагали дикость, и заговорятъ разумно. Но время шло, и съ каждою недѣлей становилось все яснѣе, что Наполеонъ III окончательно оставилъ дипломатическую кампанію и съ удвоенной энергіей принялся за продолженіе военной. Въмѣсто Друэнъ де-Люи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на сценѣ оказался генераль Пелисье, въ концѣ мая овладѣвшій подступами къ Малахову кургану, а въ началѣ іюня штурмовавшій и самый курганъ, на первый разъ неудачно. Въ теченіе іюня вѣнскія конференціи умерли естественною смертью, а въ концѣ іюля другой кн. Горчаковъ, главнокомандующій въ Крыму, получилъ знаменитый приказъ: «сдѣлать что-нибудь рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ». Результатомъ было сраженіе на Черной рѣчкѣ (4 августа) и новый штурмъ Малахова кургана французами, на этотъ разъ для нихъ успѣшный (27 числа). Двѣ ночи

спустя, пассажиры поезда, шедшего изъ Ліона въ Парижъ, были свидѣтелями рѣдкаго зрѣлища: они видѣли иллюминацію всей Франціи. Не было деревни, которая не зажгла бы площадкѣ по случаю взятія Севастополя. Ужасная бойня кончилась въ августѣ тѣмъ, на что почти уже потеряли всякую надежду въ мартѣ: военной побѣдой союзниковъ. Новые мирные переговоры были неизбежны—за ликованіемъ французовъ опять скрывалась именно надежда на миръ. Но теперь они, очевидно, должны были принять другой оборотъ и иной характеръ.

Въ то время, какъ французы ликовали, исполненные радостной надежды на миръ, ихъ союзники по ту сторону Ламанша хмурились. Причиной было не только задѣтое военное самолюбіе: день 27 августа для англичанъ былъ несчастнымъ; «французы взяли Малаховъ и утвердились на немъ,—телеграфировалъ англійскій главнокомандующій,—мы атаковали Реданъ ¹⁾, но были отбиты». Но еще за двѣ недѣли до этого событія лордъ Пальмерстонъ писалъ своему брату: «Паденіе Севастополя приближается. Когда это случится, возникнетъ новая опасность—*опасность мира, а не войны*. Австрія постарается навязать миръ недостаточный».

По обыкновенію англійскихъ государственныхъ людей, Пальмерстонъ лучше умѣлъ схватить положеніе, чѣмъ объяснить его. Опасность грозила не со стороны Австріи, она была ближе. Англіи нужно было уничтожить Россію, какъ морскую державу; всякій миръ, который, уничтоживъ черноморскій флотъ, оставилъ бы въ неприкосновенности балтійскій, былъ для нея «недостаточнымъ». Англійская свободная торговля и русскій протекціонизмъ сталкивались всюду, гдѣ была русская таможенная линія; нужно было, чтобы таможенный барьеръ былъ сломанъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно пониженъ, чтобы отношенія между двумя странами стали если не дружественными, то хотя бы сносными. Это потомъ и сдѣлалъ русскій тарифъ 1857 г., дипломатическая подготовка котораго совершенно не выяснена, но политическое значеніе внѣ сомнѣній. Интересы Франціи и Россіи сталкивались, наоборотъ, только на Ближнемъ Востокѣ; съ устраненіемъ этого конфликта (экономическія причины его мы увидимъ скоро ниже, въ другой связи), имъ нечего было больше дѣлать. Послѣ паденія Севастополя Россія не только переставала быть для Наполеона III врагомъ—она становилась желанной союзницей. А для того, чтобы она оставалась союзницей цѣнной, нужно было, чтобы она продолжала быть великой державой. Ее не только не нужно было добивать «до конца», ей нужно было предоставить всѣ средства оправиться. А приручивъ ее, сблизившись съ ней, можно было отказаться даже отъ тѣхъ требованій относительно Чернаго моря, на которыхъ именно Франція настаивала теперь такъ ультимативно (Англія соглашалась оставить Россіи нѣсколько военныхъ кораблей на Черномъ морѣ, но въ количествѣ совершенно безобидномъ даже для Турціи). «Часто бываетъ такъ, что именно то государство, которое потребовало ограниченія силъ, первое же потребуетъ потомъ и отмѣны этого ограниченія», писалъ Горчакову гр. Морни въ ноябрѣ 1855 г., черезъ своего корреспондента завлекая Александра II поскорѣ заключить миръ съ Франціей.

Гр. Морни этихъ дней былъ въ высшей степени символической фигурой. Официально онъ былъ вторымъ лицомъ въ имперіи; 2 декабря—фактически онъ былъ, пожалуй, первымъ. Гораздо болѣе умный,

¹⁾ «Реданомъ» союзники называли *третій бастионъ*.

чѣмъ его братъ ¹⁾, не связанный формально принадлежностью къ династии Бонапартовъ (благодаря незаконности своего рожденія, онъ не былъ даже принцемъ), онъ служилъ для этой династии прочной связью съ учрежденіемъ, уже тогда начинавшимъ играть роль мозга и сердца Франціи: парижской биржей. Характерно, что, какъ представитель биржевыхъ интересовъ, Морни былъ противъ Крымской войны. Парижская биржа уже тогда видѣла передъ собою перспективы гораздо болѣе широкія, чѣмъ отвоеваніе у Россіи какого-то турецкаго рынка. Наполеонъ III началъ эту войну вопреки *будущимъ*—и очень близкаго будущаго!—интересамъ французскаго банковаго капитала, отчасти потому, что ему приходилось выбирать между союзомъ съ Россіей и союзомъ съ Англіей, стоявшей наканунѣ войны съ Россіей уже 20 лѣтъ, отчасти подчиняясь традиціямъ французской торговли въ Левантъ, уже тогда старѣвшимся, но не устарѣвшимъ окончательно, однако, даже и теперь. Въ то время жизненность этихъ традицій достаточно подчеркивалась тѣмъ, что и Крымская война не положила предѣла французскому движенію на Ближній Востокъ: предѣльнымъ пунктомъ было прорытіе Суэцкаго канала. Предвидѣлъ ли Морни, что Россія когда-нибудь будетъ лучшимъ рудникомъ для французскаго капитализма, чѣмъ когда-либо была и могла быть левантская торговля? Слово «рудникъ» какъ разъ попадаетъ въ его переписку, но, правда, онъ говорилъ о рудникѣ дипломатическомъ. Не было, однако, необходимости видѣть на сорокъ лѣтъ впередъ, чтобы оцѣнить значеніе Россіи въ начинавшейся дипломатической игрѣ Франціи,—игрѣ широкаго стиля, вполне заслуживавшей имени «имперіализма». Въ этой игрѣ конфликтъ съ Австріей можно было предвидѣть съ первыхъ же шаговъ, а конфликтъ съ Пруссіей составлялъ фонъ всей картины. Теперь не можетъ быть сомнѣнія—мы это увидимъ подробнѣе ниже,—что франко-прусская война была рѣшена въ Парижѣ уже въ 1863 г. Въ 1855 г. дѣло было далеко отъ такой степени зрѣлости, но чтобы видѣть впередъ на 8 лѣтъ, не нужно сверхъестественной дальнозоркости. Какъ бы то ни было, когда Горчаковъ, все еще не разстававшійся со своею мыслію, что французы одумаются, нашелъ ходъ къ Морни и завязалъ съ нимъ переписку, его встрѣтили такъ любезно, какъ онъ даже и не ожидалъ. Правда, насчетъ черноморскаго флота не было болѣе никакихъ надеждъ, но вѣдь и самаго флота болѣе не существовало: другой Горчаковъ утопилъ послѣдніе его остатки, эвакуируя Севастополь. А на возрожденіе его въ не слишкомъ отдаленномъ будущемъ подавалъ надежды, какъ мы видѣли, самъ Морни. Во всякомъ случаѣ, въ союзѣ съ Франціей этого было легче добиться, чѣмъ противъ нея. Переписка, ведшаяся необыкновенно характерно, въ конвертахъ банкирскаго дома Эскелесъ, представлявшаго интересы французскаго капитала въ Австріи и связаннаго съ Морни именно черезъ парижскую биржу, была, повидимому, на превосходномъ пути. Такъ казалось и Горчакову. Но въ Вѣнѣ, гдѣ онъ былъ, біеніе европейскаго пульса чувствовалось, очевидно, явственнѣе, чѣмъ «во глубинѣ Россіи», гдѣ былъ въ это время его государь. Когда пришли черезъ Горчакова предложенія Морни, Александръ Николаевичъ былъ въ Николаевѣ и смотрѣлъ свою южную армію. «Военная обстановка,—разсказываетъ дипломатическій историкъ этихъ событій,—подняла въ императорѣ воинственное одушевленіе». Тутъ же, кстати, пришло извѣстіе о взятіи русскими войсками Карса—первый крупный успѣхъ послѣ длиннаго

¹⁾ Морни былъ незаконнымъ сыномъ королевы Гортензіи, матери Наполеона III.

ряда неудачъ. Рѣшено было воевать «до конца». Переписка Морни съ Горчаковымъ продолжалась, но не имѣла уже болѣе вліянія на ходъ дѣла. Роль «кузнеца мира» досталась на долю Австріи.

Австрія такъ долго размахивала мечомъ, не вступая въ бой, что у всѣхъ, наконецъ, явилось убѣжденіе, что драться она вовсе не желаетъ и что мечъ—картонный. Правительство Франца-Иосифа время отъ времени давало осязательныя доказательства правильности этого взгляда, распуская резервистовъ—для того, чтобы снова ихъ созвать черезъ нѣсколько недѣль. Особенно глубоко было убѣжденіе въ безобидности воинственныхъ манифестацій Австріи у кн. Горчакова,—а въ ноябрѣ, когда наладилась его переписка съ Морни, онъ, можно сказать, и «думать забылъ», что Австрія вѣдь тоже союзница «морскихъ державъ». Это очень облегчало представителямъ послѣднихъ ихъ дипломатическіе ходы. Австріи миръ былъ нуженъ больше, чѣмъ кому бы то ни было, въ виду ея неустойчиваго финансоваго положенія: между тѣмъ постоянныя мобилизаціи и демобилизаціи стоили денегъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы убѣдить Австрію, что легче всего она можетъ добиться заключенія мира, объявивъ Россіи войну, или, по крайней мѣрѣ, серьезно пригрозивъ этимъ. Французскому посланнику въ Вѣнѣ, Буркенэ, и австрійскому въ Парижѣ, Гюбнеру, удалось, наконецъ, разъяснить вѣнскому кабинету, что настоящимъ образомъ воевать Австрію не заставляютъ, что надо лишь со своимъ картоннымъ мечомъ подойти чуть-чуть поближе къ русской границѣ, дабы обратить на себя вниманіе. Когда Буоль и его государь это поняли, переговоры пошли болѣе ходко. Отъ кн. Горчакова они держались въ строжайшемъ секретѣ. Буоль занималъ его разговорами на общія темы, и Буркенэ ликовалъ въ своихъ донесеніяхъ парижскому двору: «Когда истина выйдетъ изъ облака, она явится ударомъ молніи для кн. Горчакова!» Нужно сказать, однако, что физикамъ едва ли когда приходилось наблюдать электрическій разрядъ такой медленности. Текстъ ультиматума, который Австрія должна была предъявить Россіи, былъ окончательно установленъ 14 ноября 1855 г. Австрійскій посланникъ, Эстергази, привезъ его въ Петербургъ 27 декабря, а срокъ, въ немъ поставленный, истекалъ 18 января 1856 г.¹⁾ Уже одна эта медленность должна была бы показать русскому правительству, что дѣло не такъ серьезно, какъ кажется. Объявлять войну за мѣсяцъ до возможнаго начала военныхъ дѣйствій, это почти то же, что заблаговременно извѣщать объ имѣющемъ на-дняхъ быть пожарѣ, какъ требовалъ одинъ петербургскій полицмейстеръ XVIII вѣка. Но квіетизмъ, въ который впалъ петербургскій кабинетъ именно относительно Австріи, сдѣлалъ то, что въ первую минуту Петербургъ растерялся отъ неожиданности. Роль же рѣшительнаго удара сыгралъ даже не столько австрійскій ультиматумъ, сколько письмо прусскаго короля къ Александру II, полученное послѣднимъ за день, за два до официального обсужденія ультиматума. Письмо не оставляло сомнѣній, что Пруссія—единственная, на кого еще можно было рассчитывать—не только не окажетъ поддержки Россіи, но даже едва ли сохранитъ дружественный Россіи нейтралитетъ. Послѣ этого на семейномъ совѣтѣ у императрицы-матери рѣшено было подчиниться ультиматуму. Знаменитое совѣщаніе ³/₁₅ января лишь официально закрѣпило это рѣшеніе.

¹⁾ Всѣ числа по новому стилю.

Австрійскій ультиматумъ содержалъ въ себѣ упоминавшіяся выше „четыре гарантіи“: 1) замѣна русскаго „покровительства“ Сербіи и Молдо-Волахіи международнымъ; 2) свобода плаванія по Дунаю, устья котораго тогда принадлежали еще Россіи; 3) нейтрализація Чернаго моря, какъ говорили теперь уже откровенно, взамѣнъ прежняго ино-сказанія „пересмотръ трактатовъ 1841 г.“; 4) отказъ Россіи отъ исклю-чительнаго права покровительствовать православнымъ подданнымъ султана, съ замѣной опять-таки этого специально русскаго „покрови-тельства“ международнымъ, но съ двумя отягчающими условіями. Въ Вѣнѣ до паденія Севастополя никто не посягалъ на неприкосновен-ность русскаго территоріи: теперь отъ Россіи требовали уступки части Бессарабіи, именно той, которая прилежала къ Дунаю, Молдавіи. Не довольствовались *объщаніемъ* Россіи не мѣшать плаванію по Дунаю, хотѣли поставить ее въ *фактическую* невозможность чинить этому пла-ванію какія-либо препятствія. А во-вторыхъ, сверхъ всѣхъ этихъ опре-дѣленныхъ условій, воюющія съ Россіей державы выговаривали себѣ право предъявить на конгрессѣ новыя, опредѣлить которыя онъ теперь затруднялись. Этотъ послѣдній пунктъ звучалъ особенно грозно. При-нять его значило, въ сущности, сдаться на милость и немилость побѣ-дителя—притомъ побѣдителя, не одержавшаго еще ни одной побѣды надъ русскими войсками. Подчиненіе Россіи даже и этому пункту лучше всего характеризуетъ то душевное смятеніе, въ которое былъ повер-гнутъ Петербургъ письмомъ прусскаго короля еще гораздо болѣе, чѣмъ австрійскимъ ультиматумомъ. Надъ головой Россіи былъ повѣ-шенъ Дамокловъ мечъ. Какъ бы далеко ни пошла она въ своихъ уступ-кахъ, въ послѣднюю минуту могло быть выдвинуто условіе, абсолютно неприемлемое, и война началась бы снова. Очевидно, что этотъ пунктъ могъ быть вставленъ лишь людьми, мира, въ сущности, не желавшими. Такъ оно и было: „пятый“ пунктъ, какъ его обычно называли (хотя по счету онъ, собственно, шестой) былъ внесенъ по настоянію Англіи, не представлявшей себѣ мира, пока былъ цѣль балтійскій флотъ. Но воспользовался этимъ англійскимъ изобрѣтеніемъ исключительно въ свою пользу Наполеонъ III.

Болѣе, чѣмъ когда-либо, Наполеонъ имѣлъ твердое намѣреніе не только заключить миръ, но и сдѣлать Россію своей союзницей. Еще въ ноябрѣ ему случилось обмолвиться въ одномъ интимномъ разговорѣ, что онъ охотно отдалъ бы четыре пальца своей руки для достиженія этой цѣли. Теперь ему не нужно жертвовать даже мизинцемъ—его игра была выиграна. На парижскомъ конгрессѣ, который открылся 13—25 февраля 1856 г., императоръ французовъ вполне опредѣленно взялъ себѣ роль адвоката Россіи. Когда русскіе уполномоченные, гр. Орловъ и бар. Бруновъ, явились въ Парижъ подъ свѣжимъ впе-чатлѣніемъ петербургской паники и заранѣе терроризованные грознымъ „пятымъ пунктомъ“, они испытали пріятнѣйшее въ мірѣ разочарованіе. Тотъ, кто держалъ въ рукахъ громы войны, чья армія взяла Севасто-поль, не только не былъ расположенъ „унижать“ и „грабить“ Россію, но, наоборотъ, шелъ къ ней навстрѣчу съ распростертыми объятіями. Безъ всякихъ затрудненій онъ объявилъ Орлову, что идетъ съ англи-чанами лишь до извѣстнаго предѣла, и предѣлъ этотъ оказался весьма близкимъ. Какъ только англичане начинали жать русскихъ, Орловъ бѣжалъ въ Тюильри, получалъ „частную аудіенцію“, и на другой же день предсѣдательствовавшій на конгрессѣ французскій министръ ино-странныхъ дѣлъ, Валуевскій, оказывался „болѣе русскимъ, чѣмъ самъ Орловъ“, какъ съ негодованіемъ отмѣчалъ австрійскій посланникъ.

Нужно, впрочемъ, сказать, что, заручившись высокимъ покровительствомъ, Орловъ обращался съ австрійцами болѣе чѣмъ безцеремонно. Теперь, разъ война не грозила, надо имъ было „дать почувствовать“. Въ результатъ, страшный „пятый пунктъ“ свелся къ запрещенію Россіи воздвигать укрѣпленія на Аландскихъ островахъ... А послѣ конгресса, давая Орлову прощальную аудіенцію, Наполеонъ III „со слезами на глазахъ“ говорилъ ему, что за всѣ свои услуги онъ проситъ одного: „дружбы императора Александра“; таково „желаніе его сердца“.

Англичане остались умѣренно довольны парижскимъ трактатомъ 18—30 марта 1856 г. Они громко выражали свое сожалѣніе, что не согласились на предложеніе австрійцевъ—устроить конгрессъ въ Вѣнѣ. Но „дружба“ съ императоромъ Александромъ II формально вовсе не упразднила англо-французскаго союза. Напротивъ, исторія этого союза, всего двѣ недѣли спустя послѣ подписанія мирнаго договора, обогатилась новымъ документомъ. 3—15 апрѣля Франція, Австрія и Англія подписали соглашеніе, которымъ онѣ сообща гарантировали неприкосновенность Османской имперіи и заявляли, что будутъ считать *casus belli* всякую попытку Россіи нарушить парижскій трактатъ. Въ Петербургѣ были очень обижены этой конвенціей и видѣли въ ней доказательства неискренности Наполеона III. На самомъ дѣлѣ тутъ отражалась лишь внутренняя противорѣчивость франко-англійскихъ отношеній на Ближнемъ Востокѣ. Именно то, что дѣлало Францію союзницей Англіи въ этихъ мѣстахъ, составляло подводный камень, который постоянно угрожалъ англо-французскому союзу, какъ бы ни лавировала около этого камня англо-французская дипломатія.

Мы до такой степени привыкли видѣть во Франціи прежде всего банковую страну, промышленный вывозъ которой ничтоженъ и во внѣшней политикѣ которой интересы обрабатывающей промышленности играютъ ничтожную роль, что намъ нужно нѣкоторое усиліе воображенія, чтобы представить себѣ имперію Наполеона III въ дни ея расцвѣта. Нѣсколько цифръ помогутъ намъ въ этомъ случаѣ. Вотъ какъ развивался вывозъ Франціи въ турекію владѣнія въ теченіе XIX в.:

Десятилѣтія	Средн. годичн. вывозъ въ милліон. франковъ:
1827—36	22,2
1847—56	80,9
1867—76	233,1

За пятьдесятъ лѣтъ французскій экспортъ въ Турцію выросъ слишкомъ въ 10 разъ! При этомъ за первое двадцатилѣтіе онъ увеличился почти въ четыре раза, за второе менѣе, чѣмъ вътрое. Потомъ онъ совсѣмъ пересталъ расти, и десятилѣтіе 1887—1896 гг. даетъ намъ въ среднемъ всего 159, 8 милл. фр., въ полтора раза почти меньше средней 1867—76 гг. Но въ 60 годахъ вывозъ Франціи не только абсолютно для нея самой, но и относительно, рядомъ съ другими странами, занималъ очень видное мѣсто. Въ 1863 г. Англія ввезла въ Турцію товаровъ на 130 милл. фр., Франція—на 90, Австро-Германія (тогда существовалъ вѣдь еще Германскій союзъ)—на 32, Голландія—на 30, остальные европейскія страны не болѣе, чѣмъ на 10¹⁾. *Соперницею Англіи на турецкомъ рынкѣ была, такимъ образомъ, не Австро-Германія, какъ*

¹⁾ Цифры взяты нами изъ книги А. Martineau. «Le commerce français dans le Levant» Paris—Lyon. 1902, pp. 23 et 27.

въ настоящее время¹⁾, но Франція. Это объясняетъ намъ, почему Франція не могла отнестись равнодушно къ наступленію русскаго империализма на Константинополь при Николаѣ Павловичѣ, и почему не только Наполеонъ III долженъ былъ явиться непремѣннымъ участникомъ Крымской войны, но уже и представители монархіи Людовика-Филиппа всегда занимали въ Константинополь позицію рѣзко-враждебную Россіи (напр., адмиралъ Руссень въ 1833 г.). Но это же объясняетъ намъ и ту ревнивую подозрительность, которая окрашиваетъ всѣ отношенія двухъ „союзницъ“ и до, и послѣ, и даже во время Крымской кампаніи. Яркимъ примѣромъ служить исторія крупнѣйшаго и тѣсно связаннаго съ только что отмѣченными экономическими фактами предпріятія Франціи на Востокъ—*Суэцкаго канала*.

Первые практическіе шаги къ осуществленію грандіознаго плана Фердинанда Лессепса падаютъ какъ разъ на самый разгаръ севастопольской осады. Въ маѣ 1855 г., когда Пелисье готовился брать Камчатскій лонетъ, Лессепсъ могъ отмѣтить первый успѣхъ своего дѣла въ Константинополѣ: этимъ успѣхомъ было паденіе англофильскаго великаго визиря Решидъ-паши, орудія англійскаго посланника, Стрэтфорда Редклифа. И на этотъ разъ, какъ подѣ Севастополемъ, французамъ везло больше, чѣмъ англичанамъ. Предварительныя техническія изысканія были окончены почти одновременно съ подписаніемъ парижскаго мира. Весною слѣдующаго года Лессепсъ рѣшилъ поставить дѣло уже на коммерческую почву и обратился съ воззваніемъ по этому поводу, между прочимъ, и къ англійскому купечеству. Рядъ англійскихъ торговыхъ палатъ (Манчестера, Бирмингэма, Ньюкэстля, Ливерпуля и др.) рѣшили оказать поддержку инициативѣ французскаго инженера. Но глава англійскаго кабинета, лордъ Пальмерстонъ, говорилъ въ парламентѣ 17 іюля 1857 г.: „Правительство ея величества, разумѣется, не можетъ предоставить свое вліяніе на султана въ распоряженіе тѣхъ, кто хотѣлъ бы понудить этого послѣдняго дать согласіе на постройку канала: такъ какъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ правительство ея величества все вліяніе, какимъ оно пользуется въ Константинополѣ и Египтѣ, употребляло на то, чтобы помѣшать этому проекту осуществиться“. Когда, несмотря на столь опредѣленную „волю Англіи“, компанія все же образовалась и началась подписка на акціи (осень 1858 г.), офиціозъ англійскаго кабинета „Globe“ такъ изображалъ это событіе: „главными подписчиками были гарсоны изъ кафе, соблазненные газетами, которыя у нихъ постоянно подъ руками, и приказчики мелочныхъ лавокъ, привыкшіе читать рекламы на обложкѣ своихъ пакетовъ. Сильно пострадало и духовенство. 3.000 носильщиковъ также сложились, чтобы купить акціи. Все это дѣло не что иное, какъ явное обкрадываніе простаковъ... Но этими натянутыми шутками напрасно хотѣли скрыть чувства, не имѣющаго ничего общаго съ веселостью. 6 мая 1861 г. лордъ Карнарвонъ говорилъ въ верхней палатѣ: „Тѣмъ не менѣе (несмотря на сопротивленіе Порты), г. де-Лессепсъ и его компанія продолжаютъ свое дѣло и получили концессию, которая ихъ уполномочиваетъ не только построить каналъ, но и завладѣть полосой земли шириною отъ одной до полуторы мили въ обѣ стороны. Такимъ образомъ, иностранная компанія и иностранное правительство, дѣйствующее черезъ посредство этой компаніи, могутъ стать собственни-

²⁾ Въ 1908—9 гг. Англія ввезла въ Турцію на 214 милл. фр., Австро-Венгрія—на 94 милл. фр., Германія—на 44, Франція—на 79. См. *Vehab*. «Situation économique de la Turquie d'Europe». Lille. 1912.

ками широкой полосы земли въ сердцѣ Египта, и такъ какъ эта часть Египта лишена всякихъ укрѣпленій, работы надъ каналомъ, предпринятые теперь съ чисто коммерческой цѣлью, легко могутъ получить важное стратегическое значеніе“. Рѣчь произвела огромное впечатлѣніе, и другой лордъ, Элленборо, уже не обинуясь, заявилъ, что такъ называемые „французскіе рабочіе“ въ Суэцѣ это просто-напросто французскій десантный корпусъ, имѣющій задачей отрѣзать сообщенія Англіи съ Индіей.

Послѣднія слова легко могутъ показаться бредомъ, но на общемъ фонѣ преній они производятъ только впечатлѣнія самой рѣзкой, крикливой ноты—не больше того. Вся дальнѣйшая политика Великобританіи показала, что съ *возможностью* событій, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ говорили лорды Карнарвонъ и Элленборо, считались всѣ англійскіе политическіе дѣятели, не исключая Гладстона, горячаго защитника идеи Суэцкаго канала. Именно Гладстонъ оккупацией Египта въ 1882 г. положилъ конецъ страхамъ по поводу „стратегическаго значенія“ канала и довершилъ этимъ дѣло своего предшественника и политическаго противника Дизраэли, сдѣлавшаго Англію экономически хозяйкой канала, путемъ скупки акцій (въ 1877 г.). Имп. Александръ II и кн. Горчаковъ, по словамъ ихъ французскаго историка, „ничего такъ не боялись, какъ возобновленія англо-французскаго союза“. Ихъ опасенія были напрасны. Союзъ обѣихъ странъ сталъ снова возможенъ лишь тогда, когда у обѣихъ явился снова общій политическій противникъ, но этотъ противникъ былъ въ то же время противникомъ и Россіи.

II.

Берлинскій конгрессъ.

Итакъ, Крымская война должна была послужить прологомъ къ франко-русскому союзу. Что касается *русской* стороны этого новаго союза, партнеру Россіи было не на что пожаловаться. Миссія Морни въ Петербургъ и въ Москвѣ (онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ для присутствованія на коронаціи Александра II) заслуживала бы пары страницъ: болѣе характерной *бытовой* дипломатической картинки мы не встрѣтимъ въ русской исторіи. Въ нашемъ, по необходимости сжатомъ, изложеніи для этой картинки нѣтъ мѣста: отсылаемъ читателя къ специальной работѣ по франко-русскимъ отношеніямъ 50—60 годовъ¹⁾. Достаточно указать на тотъ фактъ, что, вопреки всякому дипломатическому мѣстничеству, посолъ Наполеона III оказался старѣйшиной иностраннаго дипломатическаго корпуса въ Россіи, для чего использовали даже такую случайность, какъ то, что австрійскій посолъ забылъ свои вѣрительныя грамоты въ Вѣнѣ, и процитировать одинъ отзывъ Морни объ имп. Александрѣ II. «Между нами сказать, нельзя быть любезнѣе этого государя. Все, что я узнаю о немъ, объ его семейныхъ отношеніяхъ, объ его друзьяхъ и, я долженъ сказать объ актахъ его внутренняго управленія, запечатлѣно характеромъ честности, справедливости и даже рыцарскаго духа. Онъ не помнитъ зла, онъ полонъ уваженія къ старымъ слугамъ своего отца, своей династіи, даже, когда они служили плохо. Онъ никого не оскорбляетъ, онъ чрезвычайно вѣ-

¹⁾ Charles-Roux. «Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III». Paris. 1913. Сюда относится 2-я книга «La mission Morini».

ренъ своему слову, въ высшей степени добръ; невозможно не подружиться съ нимъ“. А кн. Горчаковъ не находилъ конца изліяніямъ, какъ только передъ нимъ былъ французъ; онъ всѣхъ случайно попадавшихся ему на дорогѣ французскихъ дипломатовъ подробно посвящалъ въ свою политическую программу, такъ что даже надобль имъ. А съ Морни онъ бесѣдовалъ не какъ министръ съ посланникомъ (въ качествѣ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Горчаковъ смѣнилъ Нессельроде тотчасъ послѣ подписанія парижскаго мира), а „какъ два друга“, по опредѣленію Морни. Впрочемъ, легкій налетъ ироніи чувствуется на петербургскихъ донесеніяхъ этого представителя династіи Бонапартовъ при парижской биржѣ—или парижской биржи при династіи Бонапартовъ: трудно это опредѣлить точно.

Но если въ Петербургѣ не помнили зла (то-есть Малахова кургана), то тамъ все время твердо держали въ памяти парижскій трактатъ и еще болѣе твердо—давнее обѣщаніе Морни, что Франція первая заговоритъ объ отмѣнѣ этого трактата, какъ только „добрыя намѣренія“ Россіи будутъ внѣ сомнѣнія. Пока дѣло шло о практическомъ выполненіи договора, начатая на парижскомъ конгрессѣ игра продолжалась безукоризненно. Въ октябрѣ 1856 г. англійскій посолъ въ Парижѣ официально жаловался Валуевскому, что „во всѣхъ спорахъ, мелкихъ или крупныхъ, которые возникаютъ по поводу примѣненія парижскаго трактата, правительство императора (Наполеона III) всегда оказывается на сторонѣ Россіи“. Но стоило „восточнымъ дѣламъ“ появиться на сценѣ не въ видѣ дипломатическихъ бумагъ, а въ болѣе конкретномъ образѣ, картина мѣнялась. Уже въ январѣ слѣдующаго (1857 г.) возникло *черногорское дѣло*. На парижскомъ конгрессѣ русскіе уполномоченные, стремясь прежде всего доказать своимъ новымъ друзьямъ „благія намѣренія“ Россіи, заявили, что эту страну связываютъ съ Черногоріей только „узы взаимной симпатіи“ и ни что болѣе. Но „владыка“ и его потомки привыкли жить подъ чьимъ-нибудь покровительствомъ. Сто лѣтъ они жили подъ покровительствомъ Россіи. Уже наканунѣ Крымской войны они должны были почувствовать, что это покровительство не особенно надежно: въ 1853 г. отъ турецкаго нашествія спасли Черную гору австрійцы, а не русскіе. Теперь эти послѣдніе формально заявляли, что, кромѣ симпатіи, невѣсомой и ни къ чему не обязывающей, они къ Черногоріи ничего не чувствуютъ. Тогда князь Данило отправился на поиски новаго покровителя. Сначала онъ оставался въ колѣѣ вѣковыхъ черногорскихъ традицій: коли не русскій царь, такъ турецкій султанъ. Онъ выразилъ согласіе признать сюзеренитетъ Турціи. Но онъ тотчасъ же долженъ былъ убѣдиться, что во дворецъ султана можно теперь пробраться только съ разрѣшенія и при помощи французовъ. Посредникомъ между нимъ и Портой явился французскій консулъ въ Скутари Экаръ, а въ Константинополѣ о „дѣльцѣ“ кн. Данилы хлопотали, втроемъ, посланники Франціи, Англіи и Австріи, отнюдь не посвящая въ свои разговоры посланника Россіи. Тогда князь Данило понялъ, что, чѣмъ блуждать по проселочнымъ дорогамъ, лучше идти прямо къ цѣли—и, благо онъ лично былъ большимъ поклонникомъ французскаго языка и французской культуры, отправился въ Парижъ искать покровительства непосредственно у Наполеона III.

Извѣстіе о желаніи черногорцевъ „потурчиться“ произвело въ Петербургѣ необыкновенно тягостное впечатлѣніе. Впервые въ разговорахъ Горчакова и Морни вмѣсто меда почувствовалась желчь. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ вспоминалъ даже Петра Великаго: и тогда будто бы Черногорія была уже подъ протекторатомъ Россіи.

Правда, спѣшилъ оговориться собесѣдникъ Морни, протекторатъ этотъ не политическій, а „скорѣе религіозный или даже рыцарскій (!)“, но, тѣмъ не менѣе, мѣнять одного покровителя на другого Черногорія никакъ не должна безъ согласія прежде всего Россіи: такова была основная мысль Горчакова. Но изъ-подъ этой частной мысли проглядывала болѣе общая. «Вы стараетесь держать насъ въ сторонѣ отъ турецкихъ дѣлъ», говорилъ онъ Морни. Парижскій трактатъ лишилъ насъ возможности оказывать *матеріальное* давленіе на Турцію силою черноморскаго флота: теперь насъ хотятъ отрѣзать отъ Турціи и *дипломатически*—и хотятъ тѣ самые люди, которые и относительно матеріальной стороны договора 1856 г. намекали, что она не вѣчна. Какая же тутъ возможна дружба?

Наполеонъ III не очень дорожилъ такими новыми кліентами, какъ князь Данило. Когда въ Парижѣ выяснилась петербургская точка зрѣнія, кн. Данилу встрѣтили въ Тюльерійскомъ дворцѣ какъ нельзя болѣе холодно, и это сразу же подняло до нормальной температуры русско-французскія отношенія. Новое разграниченіе между Черногоріей и Турціей было произведено при ближайшемъ участіи Россіи. Исторія умалчиваетъ, были ли этимъ разграниченіемъ довольны черногорцы, но кн. Горчаковъ былъ доволенъ въ высшей степени. Первый подводный камень на фарватерѣ новаго союза былъ благополучно обойденъ,—бѣда въ томъ, что это былъ *первый* и что за нимъ слѣдовала цѣлая цѣпь рифовъ. Тутъ особенно важенъ одинъ текстъ, который даетъ возможность прямо и непосредственно связать политику первыхъ лѣтъ царствованія Александра Николаевича съ имперіалистическими тенденціями политики его отца. «Вотъ вы приготовляете, сообщая съ Англіей, экспедицію противъ Китая,—говорилъ Горчаковъ Морни въ одну изъ послѣднихъ ихъ бесѣдъ:—у насъ *тоже есть очень важныя торювыя отношенія въ той сторонѣ*, и мы были бы очень рады, если бы вы посвятили насъ въ ваши проекты и пригласили насъ къ сотрудничеству, въ интересахъ какъ обѣихъ нашихъ странъ, такъ и всѣхъ вообще. Намъ было жаль, что вы не нашли удобнымъ сообщить намъ объ этомъ. Что касается *персидскихъ дѣлъ*, гр. Валуевскій постоянно говорилъ гр. Киселеву (русскому послу въ Парижѣ), что ваше правительство всегда будетъ строго нейтрально въ вопросѣ, гдѣ не замѣшанъ никакой его интересъ: и, однако, вы все-таки вмѣшались, офиціозно, положимъ, но вмѣшались въ переговоры объ англо-персидскомъ трактатѣ, и использовали все свое вліяніе на Ферух-хана (персидскаго уполномоченнаго) въ интересахъ англичанъ. И здѣсь намъ тоже было бы пріятно не остаться въ сторонѣ. *У насъ въ Персіи интересы очень жизненные*, мы ей близкіе сосѣди, и мы не можемъ быть равнодушны къ независимости этой страны. Учрежденіе консульствъ (англійскихъ) на Каспійскомъ морѣ есть для насъ вопросъ очень важный и деликатный, и относительно котораго съ нами нужно было бы посоветоваться. Впрочемъ, англійское правительство предудредило всякій возможный протестъ съ нашей стороны, предложивъ столковаться съ нами относительно выполненія тѣхъ пунктовъ трактата, которые насъ касаются. Но мы предпочли бы видѣть такую внимательность съ *вашей* стороны».

Имперіализмъ въ одиночку оказался рискованнымъ и привелъ къ неудачѣ. Но отчего же Россіи не предлагаютъ, по крайней мѣрѣ, вступить въ имперіалистическую ассоціацію «Франція—Англія»? Обѣ эти страны собираются, выражаясь мягко, извлекать пользу изъ Китая. Но почему же Россіи не даютъ ея доли? Они уже извлекли кое-какую

пользу изъ Персіи. Но гдѣ опять интересы Россіи? А главные интересы Россіи были, конечно, на турецкомъ востокѣ: какъ же можно «держать Россію въ сторонѣ отъ турецкихъ дѣлъ?» Желаніе вступить снова въ турецкія дѣла проявлялось Горчаковымъ поминутно, и въ такой иногда формѣ, что результаты получались только отрицательные. Въ 1860 г. произошелъ рядъ, обычныхъ для Турціи, христіанскихъ погромовъ въ различныхъ пунктахъ Оттоманской имперіи, въ Босніи, Болгаріи и въ Сиріи, въ Ливанскихъ горахъ. Для православныхъ мѣстностей державы ограничились требованіемъ разслѣдованія: но ливанскіе христіане, марониты, были католики, и Франція нашла нужными мѣры болѣе серьезныя. Въ Сирію долженъ былъ отправиться французскій экспедиціонный корпусъ; Англія на это была согласна. Горчаковъ сейчасъ же выступилъ съ предложеніемъ—обобщить это рѣшеніе и посылать военные отряды всюду, гдѣ только турки обижаютъ христіанъ. Повидимому, Россія не ожидала возраженій,—на южной границѣ началась концентрація военныхъ силъ, сейчасъ же обратившая на себя вниманіе англичанъ. Англійскій посолъ въ Петербургѣ официально напомнилъ Горчакову о существованіи парижскаго трактата, гарантирующаго неприкосновенность Турціи. Горчаковъ очень обидѣлся, но ничего не нашелся возразить по существу. Французская экспедиція была этимъ инцидентомъ отерочена на нѣсколько мѣсяцевъ; въ этомъ и былъ единственный результатъ выступленія Россіи. Для положенія вещей, сложившагося на Ближнемъ Востокѣ въ результатъ Крымской кампаніи, въ высшей степени характерно, конечно, что принципъ неприкосновенности Турціи обнаруживалъ такую эластичность, въ зависимости отъ вѣроисповѣданія подданныхъ султана: разъ это были католики, «неприкосновенность» толковалась крайне либерально, но коль скоро рѣчь шла о православныхъ, «неприкосновенность» тотчасъ же снова принимала неумолимо пуританскій характеръ. Православные, однако, лишь чувствовали на своей спинѣ то «реальное соотношеніе силъ», которое вскрылось подъ Севастополемъ и вылилось въ парижскій трактатъ. Кн. Горчаковъ ставилъ себѣ въ заслугу, что ни разу, за всѣ 60-е годы, онъ не поставилъ на очередь отмѣны этого трактата или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе стѣснительныхъ для Россіи его статей; онъ ждалъ, чтобы инициативу проявили обѣщавшіе ее когда-то французы. Но къ 1870 году онъ долженъ былъ убѣдиться, что съ этого придется все же начать, а лондонскія конференціи 1871 г. должны были убѣдить его, далѣе, что, разъ начавъ, придется пройти и черезъ попытку—возстановить соотношеніе силъ, нарушенное Севастополемъ. Но тутъ «восточный вопросъ» становится совершенно непонятнымъ безъ «вопроса западнаго»—въ общей картины международныхъ отношеній Европы 60—70-хъ годовъ. О ней необходимо сказать нѣсколько словъ.

Франція 50 и начала 60-хъ гг.,—приходится еще разъ это повторить,—даетъ намъ картину *быстро развивающейся промышленной страны*. Если мы возьмемъ экспортъ французскихъ продуктовъ за пятнадцатилѣтіе 1847—1861 гг., эта истина встанетъ передъ нами весьма рельефно:

СТРАН Ы:	Вывозъ франц. продуктовъ (милліон. фун. ст.).		
	1847	1859	1861
Германск. тамож. союзъ . . .	1,75	5,75	6,5
Россія	0,6	1,25	1,25
Бельгія	2,0	6,75	6,25
Швейцарія	1,25	4,5	5,5

СТРАНЪ:	Вывозъ франц. продуктовъ (милліон. фун. ст.).		
	1847	1859	1861
Италія	2,25	7,25	7,25
Турція	0,5	1,5	1,25
Франц. колоніи	4,25	9,25	8,75

Таблица ¹⁾ показываетъ намъ, какія огромныя завоеванія дѣлала французская промышленность въ окружающихъ Францію странахъ, не исключая и Германіи. Не исключая даже и Англіи: въ 1859 г. эта послѣдняя ввезла во Францію всего на 16,25 милл. фун. ст., а Франція экспортировала въ Соединенное Королевство въ томъ же году на 23,5 милл. фун. ст. Мы видѣли, кстати, и какую ничтожную, относительно, роль въ этихъ завоеваніяхъ играла левантская торговля (разница въ цифрахъ съ приведенными на стр. 33 объясняется тѣмъ, что тамъ рѣчь шла о французской *торговль*, т. е. объ общей суммѣ товаровъ, ввезенныхъ французами, хотя бы эти товары были и не французскаго происхожденія, — а здѣсь о національной продукціи Франціи). Главную массу французскаго экспорта составляла *мануфактура*: шелковыя и шерстяныя матеріи (въ меньшей степени бумажныя) и полотно. Металлургія была развита слабѣе (хотя зато въ началѣ 60-хъ гг. развивалась она очень быстро: количество переработаннаго во Франціи желѣза всѣхъ сортовъ увеличилось съ 1859 по 1862 г. на 33%). Но для фабрикъ, какихъ бы то ни было, необходимъ былъ *уголь*. Его добыча во Франціи росла съ большою быстротой (съ 5,2 милл. метрич. квинталовъ въ 1847 г. до 9,4 милл. въ 1861 г.), но *спросъ на уголь во Франціи обгонялъ добычу угля*. Все больше и больше его приходилось покупать за границей: въ 1865 г. Франція ввезла изъ-за границы (главнымъ образомъ изъ Бельгіи) угля на 103 милл. фр., въ 1867 г. уже на 127 милл. Вопросъ объ «угольномъ питаніи» французской промышленности становился все острѣе, — и тутъ не могъ не обратить на себя вниманіе тотъ фактъ, что богатѣйшіе угольные районы континентальной Европы лежатъ совсѣмъ рядомъ съ французской границей. Не говоря уже о сейчасъ упомянутой нами Бельгіи, бросался въ глаза бассейнъ Саары въ юго-западномъ углу рейнскихъ провинцій Пруссіи, нѣкоторыя шахты котораго заходили подъ тогдашнюю французскую территорію. Нѣмецъ копалъ нѣдра Франціи... А немного дальше лежалъ Руръ-Дюссельдорфскій бассейнъ, содержавшій въ себѣ запасы драгоцѣннаго топлива, по вычисленіямъ тогдашнихъ статистиковъ, ни болѣе, ни менѣе какъ на 5.000 лѣтъ! Нужно было быть очень стойкимъ, чтобы не поддаться искушенію при подобныхъ условіяхъ.

Документы, недавно опубликованные краковскимъ университетомъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Наполеонъ III такимъ стойкимъ не былъ. Эти документы — секретная переписка англійскихъ представителей за границей съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордомъ Росселемъ, лишь въ наименѣе существенной своей части опубликованная въ свое время въ парламентскихъ «синихъ книгахъ» — относятся къ эпохѣ польскаго возстанія 1863 г., т. е. къ критическому моменту русско-французскихъ отношеній. Обычная схема этого момента такая: Наполеонъ III хотѣлъ возстановить Польшу, но возстановилъ лишь противъ себя Россію; этимъ воспользовалась Пруссія: въ

¹⁾ Она заимствована нами изъ «The Statesman's Yearbook» за 1864 г., — перваго появившагося въ свѣтъ тома этого изданія.

критическій для Россіи моментъ она предложила послѣдней свои услуги по части подавленія возстанія и гарантію противъ иностраннаго вмѣшательства. Такимъ ловкимъ приѣмомъ Бисмаркъ разорвалъ русско-французскій союзъ и замѣнилъ его русско-прусскимъ, который позволилъ Пруссіи вести войну 1866 и 1870—71 гг. и превратиться въ Германскую имперію. При этомъ нѣмецкіе историки выдвигаютъ на первое мѣсто услугу, оказанную Бисмаркомъ Россіи въ 1863 г., а русскіе—услугу Россіи Пруссіи въ 1870 г., и обѣ стороны обвиняютъ другъ-друга въ «неблагодарности». Бывшія до сихъ поръ тайными депеши англійскаго посла въ Парижѣ, лорда Коулея, окончательно рѣшаютъ этотъ споръ въ пользу Россіи, давая въ то же время совершенно новое освѣщеніе всему конфликту. Коулей отмѣчаетъ, что польскими дѣлами и польскимъ возстаніемъ въ первыя недѣли его существованія Парижъ интересовался чрезвычайно мало. Лишь когда пришло извѣстіе о «конвенціи Альвенслебена», т.-е. о русско-прусскомъ соглашеніи, направленномъ противъ повстанцевъ, въ концѣ февраля, и въ салонахъ, и въ печати, и на трибунѣ законодательнаго корпуса разомъ дружно заговорили объ угнетеніи поляковъ Россіей. А затѣмъ выступила и французская дипломатія: не могла же она сопротивляться «единодушному порыву общественнаго мнѣнія»... Англійскій дипломатъ выводилъ изъ этого справедливое заключеніе, что Наполеона III интересовали, собственно, вовсе не поляки, а «сближеніе Пруссіи съ Россіей»; а это послѣднее интересовало его потому, что онъ, по словамъ Коулея, носился въ это время съ планомъ *завоеванія рейнской Пруссіи*. Въ личномъ разговорѣ съ англійскимъ посломъ Наполеонъ энергически отрекался отъ такого намѣренія, но это едва ли убѣдило его собесѣдника, и еще менѣе можетъ убѣдить историковъ. Но даже и въ этомъ личномъ разговорѣ онъ считалъ войну возможной, если инициативу нападенія на Россію возьметъ на себя Австрія, при чемъ поддержка этой послѣдней Франціей разумѣлась сама собой,—и не менѣе сама собой вытекала изъ этой комбинаціи франко-прусская война. На отказъ Австріи принять на себя какую бы то ни было инициативу и сорвалось все дѣло. Формальной отговоркой для австрійскаго правительства послужило то, что независимость русской Польши можетъ вызвать сепаратистскія стремленія у австрійскихъ поляковъ. Въ дѣйствительности же Австрія, по всей вѣроятности, предвидѣла, что послѣ войны Франція захочетъ помириться съ Россіей на ея, Австріи, спинѣ, давъ русскимъ, наконецъ, удовлетвореніе въ восточномъ вопросѣ. Вялость Франціи въ вопросѣ объ этомъ удовлетвореніи тѣмъ и объясняется, что для реальныхъ уступокъ она ожидала отъ Россіи реальныхъ услугъ на Западѣ. Отмѣна парижскаго трактата была бы своего рода преміей за выдачу Россіей Пруссіи, а интересы разныхъ православныхъ обитателей Турецкой имперіи—своего рода мелкой монетой, которой предполагалось расплачиваться за услуги второго сорта. Это съ особенной рельефностью обозначилось на вопросѣ, который, къ удивленію читателя, приходится назвать *критско-белгійскимъ*; какъ сейчасъ читатель увидитъ, вопросъ этого названія вполне заслуживаетъ ¹⁾.

Волненія въ христіанскихъ областяхъ Турціи тянулись черезъ всѣ шестидесятыя годы, временами обостряясь, временами затихая,

¹⁾ Упомянутая выше англ. секретн. переписка издана г. Т. Филиппсомъ. «Confidential correspondence of the british government resp. the Insurrection in Poland: 1863». Paris. 1914.

но никогда не прекращаясь совершенно. Во второй половинѣ этого десятилѣтія наиболѣе острымъ моментомъ было критское возстаніе 1866—67 гг. Русская ближне-восточная политика находилась тогда въ «греческомъ», если можно такъ выразиться, фазисѣ своего развитія. Какъ въ серединѣ 70-хъ годовъ наибольшее вниманіе Россіи, изъ восточныхъ христіанъ, привлекали къ себѣ сербы, въ 80 г.—болгары, такъ въ концѣ 60 г. это почетное мѣсто занимали греки. Внѣшнимъ выраженіемъ этого «греческаго» направленія русской политики послужило превращеніе одной изъ русскихъ великихъ княженъ въ королеву эллиновъ, случившееся именно въ 1867 г. Когда вспыхнуло критское возстаніе, Горчаковъ, естественно, выразилъ пожеланіе, чтобы инцидентъ былъ разрѣшенъ присоединеніемъ Крита къ Греціи. Послѣ всего предшествующаго, русскій дворъ былъ немало — и пріятно — удивленъ, когда Наполеонъ III въ личномъ разговорѣ съ русскимъ посломъ Будбергомъ сталъ обѣщать гораздо больше, чѣмъ у него просили. Не только Критъ нужно присоединить къ Греціи, но и вообще возстановить эту послѣднюю въ ея «естественныхъ границахъ». А притомъ зачѣмъ же и Сербію забывать? Она должна быть сдѣлана вполне независимой, по крайней мѣрѣ, фактически: турецкіе гарнизоны должны быть выведены изъ сербскихъ крѣпостей. Но въ обмѣнъ на все это Россія должна занять положеніе «откровенно сочувственное» (*franchement sympathique*) по отношенію къ «интересамъ Франціи на Западѣ». Въ чемъ состоятъ, въ данную минуту, эти интересы, императоръ французовъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ скромно молчали. Роль невиннаго дитяти, высказывающаго вслухъ то, о чемъ взрослые молчатъ, взялъ на себя Будбергъ. Соперникъ кн. Горчакова, стремясь поскорѣе привести къ благополучному концу дѣло, такъ удачно имъ же и начатое, добился отъ главы французской дипломатіи, по крайней мѣрѣ, отрицательнаго опредѣленія «интересовъ Франціи» — какъ «не противорѣчащихъ (по тогдашнимъ понятіямъ) интересамъ Пруссіи и вообще Германіи». Значитъ, рѣшилъ онъ про себя, о рейнской Пруссіи болѣе не думаютъ. А вслухъ прибавилъ: «что же касается *Бельгии*, то если вы хотите ее взять, это дѣло между вами и Англіей»¹⁾.

Французскій дворъ ликовалъ. Слово «Бельгія» было произнесено, — и произнесли его не французскія уста. Будбергъ угадалъ правильно. На другой день послѣ Кёнигсгеца, когда у всѣхъ въ ушахъ стоялъ еще трескъ игольчатыхъ ружей, приходилось пока позабыть о «рейнской границѣ». Сначала необходимо было перевооружить французскую пѣхоту (что къ 70 году и было выполнено). А уголь былъ нуженъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Методомъ исключенія французское «экономическое расширеніе» получило, какъ свой единственный объектъ, — Бельгію. Съ Пруссіей объ этомъ уже велись тайные переговоры. Позиція, которую займетъ Россія, была на континентѣ, можно сказать, рѣшающей: давленію со стороны Франціи и Россіи одновременно Пруссія, вѣроятно, не нашла бы силы противиться. О самой Бельгіи и ея нейтралитетѣ никто, разумѣется, не думалъ: по крайней мѣрѣ, во всѣхъ выдержкахъ изъ дипломатическихъ документовъ, приводимыхъ цитируемымъ нами авторомъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы у кого-нибудь были малѣйшіе упреки совѣсти по этому поводу. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы побудить Россію занять положеніе, «откровенно сочувственное» задуманному предпріятію. Въ Петербургѣ дѣло пошло отнюдь не такъ гладко, какъ позволяли на-

¹⁾ Roux, цит. соч., р. 414.

двѣться разговоры съ Будбергомъ. Уже въ первой же бесѣдѣ съ французскимъ посломъ Горчаковъ далъ понять, что отмѣна нейтрализаціи Чернаго моря—такіе пустяки, о которыхъ онъ даже не думаетъ. Чего же хотѣла Россія въ обмѣнъ на свою «откровенную симпатію»? Нужно ли было за Бельгію отдать ей Константинополь? Но и слово «Бельгія» не такъ легко было выжать изъ Горчакова, какъ изъ Будберга. Попытка французскаго дипломата прибѣгнуть къ сократическому методу дала самый комическій результатъ—Горчаковъ притворился, что онъ совершенно забылъ географію (мы увидимъ, что ему это было и легче, чѣмъ кому бы то ни было), и собесѣдники завязли въ... Пиренеяхъ. Французу пришлось объяснять, что дѣло идетъ «о Люксембургѣ или его окрестностяхъ» (!). На этотъ разъ Горчаковъ не сталъ притворяться, что онъ думаетъ, будто рѣчь идетъ о парижскомъ Люксембургѣ, но сдѣлался сухъ и холоденъ. Мѣсяцъ спустя посоль засталъ его «опредѣленно враждебнымъ» французскому проекту. Очевидно, въ промежуткѣ прошли оживленные переговоры съ Берлиномъ, и выяснилось, что аннексія Бельгіи Франціей въ Берлинѣ не желаютъ.

Въ отчаяніи Франція ухватилась, дѣйствительно, за Люксембургъ—и даже изъ-за этого франко-прусская война едва не вспыхнула на три года раньше. Сильная именно русской дружбой, Пруссія чувствовала себя настолько прочно въ сѣдлѣ, что не шла ни на какія уступки. Это соотношеніе было совершенно отчетливо охвачено Талейраномъ (франц. посломъ въ Россіи) тотчасъ послѣ перваго разговора съ Горчаковымъ. «Между Россіей и Пруссіей,—писалъ онъ,—должны существовать извѣстныя моральныя обязательства». Но Талейранъ ошибся, выдвигая на первый планъ, какъ основу этихъ «обязательствъ», «симпатію между государями» Пруссіи и Россіи. Другая его гипотеза—о «политической необходимости», которой онъ не хочетъ подробно обсуждать, ближе къ цѣли. А еще ближе будетъ сказать, что русско-прусскій союзъ опирался на необходимость экономическую—подобно франко-англійскому союзу 1850 годовъ. Между Россіей и Германіей складывались въ 1860 годахъ отношенія, чрезвычайно напоминающія русско-англійскія самаго начала вѣка: Германія, и въ частности именно Пруссія, была главною потребительницей русской *ржи* ¹⁾, вытѣсняя въ то же время Англію съ русскаго рынка, какъ главную поставщицу продуктовъ обрабатывающей промышленности ²⁾. За трехлѣтіе 1873—75 гг. англійскій ввозъ составлялъ 32% всего русскаго импорта, а германскій—40%. Россію и Германію поссорили въ послѣдней четверти XIX в., во-первыхъ, аграрный кризисъ 80—90 годовъ, воздвигшій между двумя странами стѣну германскихъ хлѣбныхъ пошлинъ, да бурный расцвѣтъ за то же время русской промышленности, оплодотворенной, преимущественно, французскими капиталами, и сейчасъ же закрывшейся отъ заграничной конкуренціи тарифомъ, пожалуй, еще болѣе запретительнымъ, чѣмъ были германскія хлѣбныя пошлины.

1) Ввозъ въ Германію ржи (почти исключительно русской).

Г О Д А.		Тысячи метрич. центнеровъ.
1861		1360
1871		4180
1875		7000
1880		6896

2) Въ 1870 г. Россія вывозила въ

вывозила изъ

Великобританію		на	24.294	тыс. ф. ст.	Великобританіи		на	15.268	тыс. ф. ст.
Германію		»	10.867	» » »	Германіи		»	19.489	» » »
Францію		»	4.878	» » »	Франціи		»	2.732	» » »

Пока двухъ этихъ условій не было налицо, русско-прусскій союзъ казался несокрушимымъ, и не дипломатическимъ тонкостямъ Наполеона III было его разорвать. Когда императоръ французовъ подписывалъ седанскую капитуляцію, ему и въ голову не приходило, конечно, что въ основѣ всей катастрофы можетъ лежать какой-то черный хлѣбъ, котораго не сталъ бы ѣсть его послѣдній придворный, но очень еще охотно ѣлъ прусскій рабочий. И еще меньше это приходило въ голову кн. Горчакову. Но что четырехугольникъ: Франція—Пруссія—Россія—восточный вопросъ былъ связанъ какою-то *необходимой* связью, что перемѣщеніе одного его угла должно перевернуть всю фигуру, это хотя, быть-можетъ, и не вполне отчетливо, сознавалъ и Горчаковъ: не даромъ Седанъ былъ для него сигналомъ новаго выступленія какъ-разъ по восточному вопросу.

Островъ Критъ исчезъ изъ дипломатической исторіи Европы вмѣстѣ съ „Люксембургомъ и его окрестностями“. Чрезвычайно характерно, что всего основательнѣе забыли его, кажется, сами русскіе. По крайней мѣрѣ, въ знаменитой циркулярной депешѣ кн. Горчакова (отъ 19—31 октября 1870 г.), открывшей новую фазу въ исторіи восточнаго вопроса, о греческихъ дѣлахъ нѣтъ ни слова. Депеша эта посвящена всецѣло той статьѣ парижскаго трактата, которая запрещала Россіи держать военный флотъ на Черномъ морѣ, и о которой въ 1867 г. Горчаковъ, что называется, и думать забылъ. Это—простой вопросъ самолюбія,—говорилъ онъ тогда. Теперь изъ-за этого „вопроса самолюбія“ поставили вверхъ дномъ дипломатическія традиции всего міра, одностороннимъ актомъ, своего рода указомъ русскаго правительства, отмѣнивъ важнѣйшее международное соглашеніе, какое только видѣла Европа со времени Вѣнскаго конгресса. Не только сопоставленіе фактовъ и хронологическихъ датъ, но и совершенно прямыя текстуальныя указанія не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ существованіи прямой причинной связи между выступленіемъ Россіи и пораженіемъ Франціи. Исторія съ обѣщаніями Наполеона III послужила урокомъ—и съ Пруссіи потребовали уплаты по векселю немедленно по наступленіи срока, не давая даже граціонныхъ дней. Русская депеша застала прусское правительство еще въ Версалѣ, у воротъ Парижа, который только что начинали осаждать. Туда же, въ Версаль, направила и Англія своего уполномоченнаго—объясняться съ Бисмаркомъ по поводу инцидента, созданнаго кн. Горчаковымъ. Послѣдній въ это время, измѣнивъ родному для него французскому языку, объяснялся Бисмарку въ любви по-нѣмецки¹⁾. Нельзя было разобрать, гдѣ кончается Берлинъ и начинается Петербургъ. Энергическое выступленіе Англіи и Австріи положило конецъ этой путаницѣ племенъ и нарѣчій. Пруссія вовсе не хотѣла разрывать съ Австріей изъ-за русскихъ интересовъ на Черномъ морѣ. Изъ Версаля дано было понять въ Вѣну, что, считая требованія Россіи справедливыми по существу, тамъ вовсе не склонны разсматривать дѣло, какъ конченное, а въ Петербургъ, что завязанное на европейскомъ конгрессѣ можетъ быть развязано только, по крайней мѣрѣ, на общеевропейской конференціи. Лондонскія конференціи января—марта 1871 г. оформили отмѣну нейтрализаціи Чернаго моря²⁾. Исто-

¹⁾ См. Горяиновъ. «Босфоръ и Дарданеллы», стр. 163, франц. изданія.

²⁾ Подробное изложеніе хода конференцій см. въ цитир. кн. г. Горяинова, гл. XII, популярн. очеркъ, на основаніи, главн. образомъ, этой книги, данъ въ «Исторіи Россіи въ XIX в.», т. VI, стр. 7—13. Въ виду распространенности этой послѣдней книги нѣтъ надобности его повторять.

рія ихъ могла послужить контръ-урокомъ, напомнивъ, что, во-первыхъ, не слѣдуетъ спѣшить, а во-вторыхъ, что у Пруссіи есть связи и обязательства не только въ сторону Россіи. Но въ Петербургѣ по-прежнему, какъ и въ 1855 г., слышали только то, что желали слышать. Безкровная ошибка 1870 г. была повторена en grand въ 1876—78, при чемъ на этотъ разъ она стоила много русской крови.

Въ первую минуту могло показаться, что изъ урока кое-что все же усвоено. Было совершенно ясно, что стыдомъ лондонской конференціи Россія обязана не столько Англіи, которая, какъ всегда, безъ континентальныхъ союзниковъ была безсильна на континентѣ, сколько Австріи. И вотъ, соглашеніе именно съ Австріей является первымъ шагомъ петербургскаго кабинета послѣ того, какъ ему удалось такъ или иначе добиться права вновь построить черноморскій флотъ. Осенью 1872 г., на свиданіи въ Берлинѣ Александра II, Вильгельма I и Франца-Иосифа, возникъ такъ-называемый „союзъ трехъ императоровъ“. Въ дипломатической плоскости берлинское свиданіе было прежде всего встрѣчей Горчакова съ новымъ австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, гр. Андраши. Горчаковъ былъ—или дѣлалъ видъ, что былъ—очарованъ новымъ знакомствомъ. Андраши, котораго русская дипломатія и вдохновляемая ею публицистика пять лѣтъ спустя всюду ославила, какъ величайшаго въ мірѣ интригана, показался ему чрезвычайно порядочнымъ человѣкомъ, а Австрія безкорыстѣйшей державой. Заключено было соглашеніе, на первый взглядъ чрезвычайно странное: суть его сводилась къ тому, что обѣ стороны обязывались не помогать Турціи въ подавленіи возстанія ея христіанскихъ подданныхъ, буде таковыя возстанія имѣли бы мѣсто. Какой-нибудь смыслъ ставить такое условіе былъ лишь въ томъ случаѣ, если можно было предвидѣть, что возстанія вскорѣ начнутся... Впрочемъ, въ вопросѣ о балканскихъ возстаніяхъ кн. Горчаковъ вообще обнаруживалъ чрезвычайно подозрительную проницательность—и, напримѣръ, въ январѣ 1875 г., за шесть мѣсяцевъ до герцеговинскаго возстанія, онъ предвидѣлъ не только чрезвычайное осложненіе балканскихъ дѣлъ, не и прямо войну, какъ она разразилась въ 1877 г.¹⁾ Мы можемъ только догадываться, что на берлинскомъ свиданіи 1872 г. говорились вещи болѣе серьезныя, чѣмъ тѣ, что оставили слѣдъ въ дипломатическихъ документахъ. Это, впрочемъ, достаточно ясно даетъ понять и самъ Горчаковъ въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ, гдѣ онъ говоритъ о своемъ свиданіи съ Андраши: «То было дѣло мира и согласія; ни бумагомаранія, ни протоколовъ; никакого положительнаго обязательства, которое бы стѣсняло свободу нашихъ дѣйствій,—словомъ, ничего для дипломатическихъ архивовъ, но моральный результатъ громаденъ»²⁾.

Читатель догадывается, какіе сюрпризы и опасности сулила подобная манера договариваться именно при извѣстной намъ особенности петербургскаго кабинета—слушать только то, что нравится. Четыре года спустя послѣ свиданія, давашаго столь громадные моральные результаты, Бисмаркъ получилъ отъ германскаго военнаго уполномоченнаго при русскомъ дворѣ телеграмму, гдѣ отъ имени Александра II

¹⁾ См. цитаты изъ его разговора съ Леэло (франц. посланникъ въ П.-г.) у Напотаух, «Histoire de la France contemporaine» IV, pp. 58—59.

²⁾ Кн. Горчаковъ въ этомъ пунктѣ оказался хорошимъ ученикомъ Талейрана, учившаго, что языкъ данъ дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли: на самомъ дѣлѣ, изъ переговоровъ 1872 г., несомнѣнно, вышла секретная военная конвенція между Россіей и Германіей, подписанная въ слѣдующемъ году и не опубликованная доселѣ.

канцлера Германской имперіи запрашивали: останется ли Германія нейтральной, въ случаѣ войны между Россіей и Австріей?..

Всего за годъ до этого, заключенное въ 1872 г. «моральное согласіе» казалось болѣе несокрушимымъ, чѣмъ когда бы то ни было. Когда, въ іюль 1875 г., вспыхнуло герцеговинское возстаніе, одинъ изъ виднѣйшихъ русскихъ дипломатовъ говорилъ о совмѣстномъ дѣйствіи Россіи, Австріи и Германіи и о томъ, что выполнение общихъ рѣшеній надо будетъ довѣрить Австріи, «по своему географическому и политическому положенію заинтересованной болѣе, чѣмъ другія, въ возстановленіи порядка» на Балканскомъ полуостровѣ. Въѣсто географіи и политики было бы болѣе кстати опять-таки говорить объ *экономикѣ*. У Австріи на Ближнемъ Востокѣ были громадныя «приобрѣтенныя интересы». Въ промышленную страну она превращалась въ 50-хъ—60-хъ гг. немногимъ менѣе быстро, чѣмъ Франція¹⁾. При этомъ главная масса австрійскаго вывоза направлялась въ Турцію. Въ 1874 г. австрійскій экспортъ въ одни турецкія владѣнія достигъ 5 милл. фунт. ст. (при ввозѣ изъ Турціи 3 милліона ф.). Послѣ торговли Австріи съ Германіей, австро-турецкая торговля шла на первомъ мѣстѣ, Италія и Россія занимали четвертое, но лишь послѣ большого промежутка. Что касается самой Турціи, то въ ней Австро-Венгрія занимала *второе* мѣсто послѣ Англіи, которая ввезла, однако, лишь немногимъ больше (на 7 милл. фунтовъ—весь турецкій ввозъ оцѣнивался въ 18½ милл.). Уступка Австріи перваго, между тремя восточно-европейскими имперіями, мѣста при водвореніи порядка въ турецкихъ владѣніяхъ соотвѣтствовала, такимъ образомъ, экономической логикѣ. Этой же логикѣ соотвѣтствовало и то, что вышательство Австріи должно было встрѣтить *Англію* поперекъ своей дороги. Россія въ этомъ случаѣ готова была поддержать свою сосѣдку и союзницу: «*Россія и Австрія* убѣждены, что Англія будетъ неизмѣнно и систематически въ оппозиціи къ нимъ въ Константинополѣ», писалъ въ августѣ 1875 г. генералъ Леоло. Россія и Австрія союзницы противъ Англіи! Чье бы воображеніе могло представить себѣ такую картину въ дни берлинскаго конгресса?

Но вотъ проходитъ всего два мѣсяца, и смѣнившій на время ген. Леоло въ Петербургѣ Лабулэ «въ одномъ словѣ» такъ резюмируетъ положеніе: «петербургскій кабинетъ чувствуетъ, что судьбы Россіи связаны съ освобожденіемъ славянъ; но эта именно возможность составляетъ, наоборотъ, предметъ величайшихъ опасеній кабинета вѣнскаго». И дѣйствительно, какъ было послѣднему не испугаться, если бы онъ увидѣлъ картину, смѣлой кистью набросанную передъ глазами французскаго уполномоченнаго тѣмъ самымъ русскимъ дипломатомъ (бар. Жомини), который два мѣсяца назадъ такъ великодушно представлялъ Австріи представительство «союза трехъ императоровъ» на Балканахъ. На палитрѣ Жомини была только одна краска—красная. Къ будущей веснѣ герцеговинскіе безпорядки превратятся въ поголовное возстаніе всѣхъ турецкихъ христіанъ (Жомини особенно выдѣлялъ, по старой памяти, о. Критъ и Эпиръ). Оттоманская имперія погибнетъ въ этомъ пожарѣ: надо позаботиться объ ея *наслѣдникахъ*. Это

1) Австрійскій экспортъ:

Года.	Милл. флориновъ.
1851	136
1856	263
1862	334

будетъ, конечно, *балканская федерація*, а Константинополь станетъ, разумеется, вольнымъ городомъ,—какъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, напримеръ. Все это говорилось, когда налицо былъ, отъ всей «федераціи», пока только Пеко Павловичъ, съ четою въ двѣсти человекъ благополучно взявшій пару турецкихъ блокгаузовъ, въ каждомъ изъ которыхъ сидѣло по двѣ дюжины оборванныхъ «аскеровъ». Французскій историкъ, у котораго мы заимствуемъ эти цитаты, не находитъ образу дѣйствій русской дипломатіи въ начинавшемся кризисѣ иного объясненія, кромѣ античнаго: ихъ увлекала ихъ судьба,—говоритъ онъ. Иначе пришлось бы предположить у нихъ недостатокъ освѣдомленности и предусмотрительности¹⁾.

Онъ бы сдѣлалъ лучше, припомнивъ родную французскую поговорку: «аппетитъ приходитъ вмѣстѣ съ ѣдой». Аппетитъ росъ въ такихъ размѣрахъ, что сотрапезники Россіи почувствовали страхъ. И тотъ же французскій дипломатъ въ то же время имѣлъ случай сообщить изъ Петербурга: «я узналъ сейчасъ, что гр. Андраши высказался противъ вооруженнаго давленія (на Турцію) по ту сторону австрійской границы (т.-е. въ Герцеговинѣ и Босніи); такое вмѣшательство было бы совершенно противно его наміреніямъ». Создавать балканскую федерацію въ планъ Австріи отнюдь не входило...

Еще два мѣсяца спустя, въ декабрѣ 1875 г., самъ императоръ Александръ II нашелъ нужнымъ объясниться съ Европой по поводу наміреній Россіи. Посредникомъ былъ выбранъ опять французскій дипломатъ—все тотъ же ген. Леффо, пользовавшійся при петербургскомъ дворѣ большими симпатіями. Императоръ сказалъ, что всѣ его—и, онъ надѣется, Европы, включая и Англію—усилія клонятся къ тому, чтобы поддержать на Востокѣ status quo «не столько изъ любви къ Турціи, сколько потому, что ее нечѣмъ было бы замѣнить». Ни онъ самъ, ни его отецъ никогда не хотѣли завладѣть Константинополемъ: ихъ оклеветали. «Но Россія никогда не потерпитъ, чтобы какая-нибудь другая великая держава, въ особенности Англія, утвердилась въ Царьградѣ, ни чтобы вновь возникла византійская, т.-е. греческая, имперія». «Я на это уже давно указывалъ греческому королю,—прибавилъ Александръ Николаевичъ.—Я хочу жить съ нимъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Мои симпатіи на сторонѣ эллиновъ: но нужно, чтобы они оставались въ Афинахъ»²⁾.

Это было явное предостереженіе «морскимъ державамъ», въ число которыхъ, несмотря на королеву эллиновъ изъ дома Романовыхъ, попадала теперь и Греція. Перемена въ отношеніи къ послѣдней нашла себѣ чрезвычайно рѣзкое выраженіе два съ половиною года спустя, на Берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ русскіе собирались совѣмъ замолчать греческій вопросъ, и защиту эллинскихъ интересовъ должна была взять на себя Франція. Россія, такимъ образомъ—какъ это справедливо отмѣчаетъ и цитируемый нами историкъ—съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія, защиты интересовъ православія, переходила на этнографическую—защиты интересовъ славянства. Но на этомъ пути—за это можно было ручаться—Россія должна была столкнуться не только съ Австріей, а и съ Германіей. Порывая съ «морскими державами» на вопросъ о Константинополѣ, Россія рвала теперь и со своими континентальными союзниками на вопросъ о славянствѣ. Получалась та абсолютная изоляція Россіи, которая стоила ей въ свое время парижскаго мира. Какъ, ка-

1) Hanotaux, цит. соч., р. 67.

2) Hanotaux, цит. соч., р. 72.

залось бы, было не понять и не предвидѣть этого? Но мы имѣемъ документальное доказательство того, что глава русской дипломатіи, кн. Горчаковъ, этого не понималъ и не предвидѣлъ. 20 марта 1876 г. онъ писалъ русскому послу въ Берлинъ Убри: „Бисмаркъ увѣрилъ Шувалова, что если между нами и Австріей возникнетъ разногласіе на почвѣ восточнаго вопроса, мы можемъ безусловно разсчитывать на Германію. Пруссія,—сказалъ Бисмаркъ,—должница Россіи за поддержку, оказанную ей послѣдней въ 1866 и 1870 гг. Расплатиться за это для Пруссіи—долгъ чести. Вотъ почему, *какъ дворянинъ, а не какъ канцлеръ имперіи (!)*, онъ объявилъ, что для поддержанія нашихъ требованій Пруссія предоставитъ въ наше распоряженіе германскую армію; онъ сдѣлалъ это заявленіе не какъ канцлеръ, потому что въ своихъ политическихъ выступленіяхъ онъ оставляетъ за собою право выражаться менѣе прямо»¹⁾.

Быль ли Бисмаркъ просто не понять Шуваловымъ или онъ сознательно толкалъ Россію въ авантюру, гдѣ ея положеніе, онъ зналъ, было бы безвыходнымъ? Русская дипломатія вполнѣ всегда предпочитала послѣднюю версію, не оставлявшую сомнѣній въ «вѣроломствѣ» германскаго канцлера. Но сопоставленіе фактовъ показываетъ, что Горчаковъ *не могъ* остаться подъ впечатлѣніемъ «дворянской» бесѣды. Въ май того же 1876 г. онъ былъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ съ Бисмаркомъ и Андраши сообща занимались выработкой «меморандума» для представленія Турціи отъ имени европейскаго концерта (это было продолженіе кампаніи, начатой Австріею еще въ концѣ предыдущаго года: Андраши тогда требовалъ отъ Турціи ряда уступокъ возставшимъ христіанамъ и административныхъ реформъ въ возмущившихся областяхъ). На французскаго посла въ Берлинѣ кн. Горчаковъ произвелъ впечатлѣніе челоѣка «скованнаго», хотя оковы его и покрыты цвѣтами. Эта «скованность» нашла себѣ очевиднѣйшее выраженіе въ *рейхштадтскомъ* соглашеніи между Россіей и Австріей, состоявшемся 26 іюня ст. ст. 1876 г. Сущность этого соглашения заключалась въ томъ, что Россія заранѣе отказывалась отъ всякихъ территоріальныхъ приобрѣтеній за счетъ Европейской Турціи. Въ случаѣ успѣшной войны она могла разсчитывать на аннексію въ М. Азіи (именно, на Батумъ) и на возвращеніе Бессарабіи, принадлежавшей въ данный моментъ Румыніи, а не Турціи. Изъ освобожденныхъ славянскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ должно было быть образовано *нѣсколько* самостоятельныхъ государствъ—непремѣнно «нѣсколько», ибо Австрія прямо заявила, что образованія *одного* большого государства на Балканахъ она не допуститъ. За то сама Австрія должна была получить прилегающую къ ея границамъ часть Босніи и Герцеговины. Такъ какъ Бисмаркъ писалъ объ «округленіи» Австріи съ этой стороны еще въ декабрѣ 1875 г.²⁾, то эту идею безъ всякихъ натяжекъ можно считать германской. Это былъ первый ударъ въ спину «панславизму». Въмѣсто объединенія славянъ большой кусокъ славянства доставался «наслѣдственному врагу».

Но Бисмаркъ готовъ былъ ударить не только по новой схемѣ русской дипломатіи,—той, въ центрѣ которой стояло «славянство».

¹⁾ Горяиновъ, франц. изд., р. 316. Упомянутая выше (стр. 44) секретная русско-германская конвенція вполнѣ объясняетъ ослѣпленіе Горчакова; если въ перепискѣ съ Убри онъ ссылался не на этотъ документъ, то, очевидно, потому, что послѣдній былъ секретомъ и для Убри.

²⁾ См. Горяиновъ, *ibid.*, 314.

Онъ не прочь былъ нанести ударъ и старой схемѣ, опиравшейся на православіе. Если первая схема ставила Россію во главѣ славянскихъ племенъ Балканскаго полуострова, то вторая вела ее къ Константинополю: вотъ почему, усвоивъ первую, русская дипломатія отнюдь не думала оставлять второй. Осенью того же 1876 г. уполномоченный англійскаго кабинета, лордъ Салисбери, подготавливая константинопольскую конференцію, которою Англія надѣялась предупредить вооруженное вмѣшательство Россіи въ балканскія дѣла, объѣзжалъ европейскія столицы и былъ, между прочимъ, въ Берлинѣ. Послѣ свиданія съ нимъ Бисмаркъ нашелъ нужнымъ подѣлиться впечатлѣніями съ французскимъ посломъ (французы и съ этой стороны оказались посредниками). Германскій канцлеръ остался чрезвычайно доволенъ настроеніемъ, которое онъ нашелъ у англійскаго министра. Бисмаркъ былъ увѣренъ, что теперь все кончится мирно—но, на всякій случай, если бы русская армія все-таки вторглась въ Болгарію, онъ, Бисмаркъ, подалъ Салисбери мысль, чтобы Англія «ограничилась военной манифестаціей». Въ чемъ же могла бы состоять эта «манифестація»? Бисмаркъ не оставилъ своего собесѣдника въ неизвѣстности на этотъ счетъ. Я думаю,—сказалъ онъ,—что *Англія ограничится занятіемъ Константинополя*.

Если германскій канцлеръ хотѣлъ, чтобы дѣло ни въ какомъ случаѣ не кончилось мирно, онъ, конечно, не могъ бы подѣлать лучшей мысли англійскому кабинету. Отношеніе Англіи къ восточному вопросу сполна исчерпывается словами Дизраэли, сказанными именно въ эту пору (августъ 1876): «Мы всегда думали, что Средиземное море—одна изъ большихъ дорогъ, ведущихъ къ нашей индійской имперіи, и что это море, точно такъ же, какъ и тѣ, которыя съ нимъ связаны, должно быть свободно и безопасно. Наша политика заключается въ томъ, чтобы обезпечить этотъ результатъ». Мы видѣли, что Александръ II, съ русской точки зрѣнія, не допускалъ, чтобы англичане могли утвердиться въ Константинополѣ. Но съ англійской точки зрѣнія то же самое было недопустимо по отношенію къ Россіи, и англійскія газеты говорили это совершенно открыто. «Standart» писала: «Что мы должны заявить, это, что Россія никогда не утвердится ни на Босфорѣ, ни въ Дарданеллахъ, и къ счастью, мы можемъ помѣшать этому безъ чьей бы то ни было помощи». Восточный вопросъ для Англіи въ 1870 гг. былъ *индійскимъ* вопросомъ, если смотрѣть географически и съ англійской стороны, и *среднеазиатскимъ*, если смотрѣть со стороны русской. Англія видѣла въ завоєваніи Россіей Средней Азіи приступъ къ походу на Индію: и эта точка зрѣнія англійскихъ публицистовъ (главнымъ образомъ, Раулинсона) настолько совпадала съ точкою зрѣнія русскихъ практиковъ, близко стоявшихъ къ дѣлу, что, напримѣръ, Скобелевъ находилъ совершенно, въ сущности, бесполезными какія бы то ни было операціи на Дунаѣ, и предлагалъ начать съ удара прямо въ центръ, т.-е. съ экспедиціи черезъ Афганистанъ въ Индію¹⁾. На счастье—Индіи ли или Скобелева, теперь не скажешь—въ Петербургѣ смотрѣли на дѣло иначе. Сообщая своему брату, Николаю Николаевичу (старшему), что онъ назначается главнокомандующимъ противъ турокъ, государь, на вопросъ великаго князя, въ чемъ состоитъ задача его арміи, отвѣтилъ однимъ словомъ: «Константинополь»²⁾.

1) Подробнѣе объ этой сторонѣ восточнаго вопроса, а также связи ея съ русско-прусскимъ союзомъ см. въ *последнемъ* томѣ «Русской исторіи съ древн. временъ» пишущаго эти строки.

2) Hanotaux, цит. соч., p. 121.

При свѣтѣ этихъ двухъ разговоровъ, Бисмарка съ Салисбери и императора Россіи съ главнокомандующимъ русской арміей (оба разговора падаютъ на одно и то же время, позднюю осень 1876 г.), совершенно новое освѣщеніе получаетъ и Константинопольская конференція декабря 1875—января 1876 г. Освобожденію балканскихъ славянъ стояла поперекъ, главнымъ образомъ, Англія, въ первое время настаивавшая, чтобы Турція возможно скорѣе подавила возстаніе. Но Англичане опасались, конечно, не сербовъ или болгаръ: они опасались вмѣшательства Россіи. Поэтому, когда Турція, въ отвѣтъ на англійскіе совѣты ничего не сумѣла устроить, кромѣ новыхъ христіанскихъ погромовъ, своей бессмысленной жестокостью возстановившихъ противъ нея—а, косвенно, значить, и противъ министерства Дизраэли—добрую долю даже самого англійскаго общества (агитація Гладстона), въ Лондонѣ рѣшено было это дѣло изъ рукъ турокъ взять. Въ Константинополѣ Салисбери выступилъ съ проектомъ автономной Болгаріи отъ Дуная до окрестностей Адрианополя и отъ Чернаго моря до Албаніи. Въ смыслѣ «освобожденія славянъ отъ турецкаго ига» это не оставляло желать ничего большаго. Но русская политика уже давно эволюціонировала за предѣлы этой скромной цѣли, если даже она когда-нибудь и ограничивала себя ею. Уже съ весны 1876 г. велась, если не очень тонкая, то очень смѣлая двойная игра. Въ то время, какъ «скованный» Горчаковъ заключалъ разнаго рода соглашенія съ Австріей, русскій посолъ въ Константинополѣ, гр. Игнатъевъ, отъ котораго эти соглашенія, по крайней мѣрѣ, официально, скрывались, чтобы не связывать ему рукъ, съ лихорадочной энергіей работалъ надъ грандіознымъ планомъ—поднять всѣхъ турецкихъ славянъ и, поставивъ Европу передъ «совершившимся фактомъ» всебалканскаго пожара, сдѣлать русское вмѣшательство и морально, и даже матеріально совершенно неизбежнымъ. Параллельно съ нимъ и не менѣе энергически въ Москвѣ работалъ славянскій комитетъ, создавая «неудержимый порывъ русскаго общественнаго мнѣнія»... Почти одновременно съ Рейхштадтомъ удалось осуществить первую часть плана—поднять Сербію. Уже для этого Игнатъеву пришлось впасть въ явное противорѣчіе съ официальными заявленіями своего правительства. Но что это не былъ актъ его личной политики, а опредѣленная политическая линія, имѣвшая прочную базу въ Петербургѣ, доказывается фактомъ, который сохранили воспоминанія русскаго консула въ Бѣлградѣ, Карцова. Уѣзжая изъ Эмса, куда онъ ѣздилъ къ имп. Александру II и Горчакову за распоряженіями, Карцовъ получилъ «категорическую» инструкцію—не допускать Сербію до войны. Прощаясь, кн. Горчаковъ ослабилъ значеніе этой инструкціи, добавивъ. «При всемъ томъ, не забывайте, что если государь противъ войны, его сынъ, наследникъ престола (Александръ Александровичъ), стоитъ во главѣ движенія»¹⁾.

Когда планъ уже на Сербіи потерпѣлъ крушеніе, сербская армія, предводимая знаменитымъ покорителемъ бухарцевъ и кокандцевъ, ген. Черняевымъ, была разбита турками, положеніе Россіи стало безвыходнымъ. Бросить балканскихъ славянъ въ такую минуту значило вернуться къ разбитому корыту парижскаго мира, при чемъ не было,

¹⁾ *Русская Старина* (1908, апрѣль, стр. 70). Г. Ганото эта сторона событій осталась, повидимому, неизвѣстной: русскіе источники, опубликованные вдобавокъ въ одномъ году съ его книгой, не были ему доступны, а съ французскими дипломатами, повидимому, не всегда открывались.

для утѣшенія, даже Наполеона III съ его обѣщаніями. Сначала, по-видимому, было принято героическое рѣшеніе—вмѣшаться просто, не стѣняясь никакими соглашеніями съ Австріей и никакими угрозами со стороны Англіи. Къ этому моменту относится знакомая намъ телеграмма Бисмарку относительно нейтралитета Германіи. Отвѣтъ Бисмарка не подавалъ никакихъ надеждъ. Можно себя представить, какой взрывъ негодованія вызвало въ Петербургѣ „коварство“ германскаго канцлера! Но, разъ насъ обманываютъ, будемъ и мы обманывать. Австрія была успокоена секретной конвенціей, помѣченной 3 января 1877 года, но заключенной на самомъ дѣлѣ, въ мартѣ этого года: въ ней повторялись обѣщанія Рейхштадтскаго соглашенія—главнымъ образомъ, не устраивать на балканскомъ полуостровѣ *одного* большого славянскаго государства. Кромѣ того, Россія обязалась не переносить военныхъ дѣйствій въ западную часть полуострова: сербы болѣе были не нужны теперь, послѣ ихъ неудачи, за которую имъ публично было выражено высочайшее неблаговоленіе. Константинопольская конференція не удалась, а дальнѣйшіе переговоры были попросту „сорваны“ Игнатьевымъ, поставившимъ туркамъ абсолютно неприемлемое требованіе: чтобы переговоры объ обоюдной демобилизаціи, русской и турецкой, велись въ Петербургѣ, куда султанъ долженъ былъ послать спеціального посла для этой цѣли¹⁾. Турки, только что побѣдившіе на полѣ сраженія, не видѣли никакихъ основаній становиться на коѣнни передъ Россіей. Но, взорвавъ контръ-миной планъ Салисбери, не поскупились на обѣщанія и передъ Англіей. Было формально гарантировано, что русскія войска не займутъ Константинополя, и даже что они не перейдутъ Балканъ, если султанъ обратится съ просьбою о мирѣ ранѣе, чѣмъ они успѣютъ это сдѣлать. Обставивъ себя всѣми этими ограниченіями, Россія 12 апрѣля 1877 года объявила войну Турціи.

Какъ ограниченія понимались Россіей, можно было видѣть на практикѣ очень скоро. Мы не переходимъ Балканъ, если султанъ попроситъ мира ранѣе? Такъ не дадимъ ему времени для этого! Тотчасъ послѣ перехода черезъ Дунай особый легкій отрядъ генерала Гурко форсированными маршами двигается впередъ и не столько переходитъ, сколько перелетаетъ балканскій хребетъ, ранѣе, чѣмъ не только были разбиты главныя турецкія силы въ сѣверной Болгаріи, но ранѣе даже, чѣмъ тамъ было дано хотя бы одно серьезное сраженіе. Англичане забеспокоились, но не надолго. Разбрасываніе русскихъ силъ привело только къ ряду неудачъ, одна тяжелѣе другой, и скоро стало казаться, что Россія не нарушитъ принятыхъ на себя обязательствъ просто по физической невозможности это сдѣлать. Но это былъ самообманъ. На русско-турецкой войнѣ оправдывалось общее правило *длительныхъ* военныхъ конфликтовъ: та сторона, которая располагаетъ большими экономическими и военными ресурсами, должна побѣдить, каковы бы ни были ея частичныя неудачи. Какъ ни было распатано государственное хозяйство Россіи, все же она была во много разъ богаче Турціи и деньгами, и людьми. Рано или поздно это должно было сказаться. 28 ноября пала Плевна, неожиданно для обѣихъ сторонъ ставшая главнымъ центромъ турецкаго сопротивленія. Немедленно же въ Порадимѣ подъ Плевной вырабатываются основныя условія будущаго мира: это былъ, если можно такъ выразиться, расширенный плагиатъ проекта Салисбери—создавалась Болгарія, но протягивавшаяся на югъ уже до

¹⁾ Hanotaux, цит. соч., 135.

Эгейскаго моря, и притомъ не Болгарія—провинція Оттоманской имперіи, хотя бы и автономная, а Болгарія—вассальное турецкое княжество, фактически зависѣвшее не отъ Турціи, а отъ Россіи. А какъ же русско-австрійское соглашеніе, по которому изъ русскихъ завоеваній не могло быть образовано *одного* государства? Австрію хотѣли поставить передъ совершившимся фактомъ... Въ то же время, вторично перейдя Балканы въ декабрь 1877 года, русская армія неудержимымъ потокомъ стремится къ Константинополю и проливамъ. Войска идутъ безъ сапогъ, безъ патроновъ, теряя 50% больными и отсталыми, но идутъ безостановочно, идутъ брать Царьградъ. А какъ же соглашеніе съ Англіей? Англію хотѣли поставить передъ совершившимся фактомъ...

Но если кого трудно поставить передъ совершившимся фактомъ, то это англичанъ. Уже со времени первой экскурсіи Гурко за Балканы, въ іюль, они были насторожѣ. Теперь, въ январь, русскіе разъѣзды, увидавъ на горизонтѣ минареты Константинополя, должны были увидеть и британскій флотъ, стоявшій на якорѣ у Принцевыхъ острововъ. Царьградъ былъ прикрытъ пушками англійскихъ броненосцевъ. Досадъ Петербурга, воплямъ о „коварствѣ“ и „вѣроломствѣ“ не было конца.

Является вопросъ—не о томъ, какъ согласовать образъ дѣйствій Россіи съ данными ея общаніями: совершенно ясно, что общанія эти считались вынужденными и, какъ всякія подъ угрозой данныя общанія, не имѣющими силы. Но является вопросъ: почему русской дипломатіи не пришло въ голову раздѣлить противниковъ? Почему изъ двухъ схемъ, „вѣроисповѣдной“ и „этнографической“, не остановились на какой нибудь одной? Либо Царьградъ и крестъ на св. Софії, либо „великая Болгарія“. Въ первомъ случаѣ, по отношенію къ Австріи, былъ бы лишь вопросъ о размѣрахъ „отступного“. Оно было бы громадно, конечно,—пришлось бы поступиться не одніми Босніей и Герцеговиной, а всей западной половиной Балканскаго полуострова: но и русскій успѣхъ былъ бы не меньше. Во второмъ случаѣ легко было бы столкнуться съ Англіей—одна же Австрія, по компетентному заявленію Бисмарка, войны съ Россіей вести не рѣшилась бы. Почему нашли нужнымъ „объять необъятное“ и вызвать къ жизни англо-австрійскую коалицію, перъ которой—это знали заранѣе—придется сдаваться? Отвѣтъ на эту дипломатическую загадку приходится, кажется, искать во внутренней политикѣ. Передъ войной Игнатъевъ не скрывалъ даже отъ иностранныхъ дипломатовъ, что у Россіи нѣтъ выхода¹⁾. Нуженъ былъ возможенъ болѣе блестящій миръ, хотя бы только на бумагѣ—для того, чтобы состоялось примиреніе „общества“ съ „правительствомъ“. Пусть потомъ Европа отниметъ у Россіи реальные плоды этого мира—это даже имѣетъ свою хорошую сторону. „Общество“ заглядывается именно въ сторону Европы; пусть полюбуется, каковъ его идолъ... Націонализмъ всегда считался средствомъ противъ революціи.

Такова если не исторія, то психологія Санъ-Стефанскаго трактата 19 февраля 1878 г. Турки приняли его безропотно. У нихъ не было болѣе арміи, чтобы защищаться; къ тому же и они, вѣроятно, отлично понимали, что *такой* трактатъ останется мертвой буквой. Дѣйствительно, настоящіе переговоры пришлось вести съ Англіей и съ Австріей. Первая была очень довольна тѣмъ, что Константинополя взять русскимъ не удалось, и потому оказалась податливой гораздо болѣе, чѣмъ отъ нея ожидали. Она милостиво санкціонировала ту

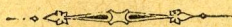
¹⁾ «Изъ двухъ бѣдъ, которыми болѣетъ Россія, война—меньшая». Наполеонъ цит. соч., р. 133.

часть рейхштадтской сдѣлки, которой Россіи предоставлялся Батумъ. Но Англія должна была теперь считаться и съ интересами своей новой союзницы, Австріи, а затѣмъ она на опытѣ видѣла, какъ легко русскіе переходятъ Балканы. Поэтому, хотя переговоры съ русскимъ посломъ Шуваловымъ велъ именно первоисточникъ „великой Болгаріи“, Салисбери, ставшій теперь министромъ иностранныхъ дѣлъ, „великая Болгарія“ была кассирована. Княжество не должно было итти на югъ далѣе балканскаго хребта, часть Болгаріи къ югу отъ него (Вост. Румелия) стала лишь автономной провинціей, а Македонія не получила даже и автономіи. Секретной конвенціей съ Англіей (май 1878 г.) дѣло въ сущности было рѣшено—несравненно болѣе удовлетворительно для Россіи, чѣмъ можно было ожидать. Вернувъ себѣ Бессарабію (въ обмѣнъ на нее румыны получили Добруджу), приобрѣти чрезвычайно важные для нея пункты въ азіатской Турціи (Батумъ и Карсъ), она ко всему этому получила еще и „задунайскую губернію“ до Балканъ. Удержать эту послѣднюю въ русскихъ рукахъ было уже дѣломъ дипломатическаго искусства русскаго правительства. Послѣднее этого искусства не обнаружило, и Болгарія ушла изъ русскихъ рукъ, но этому уже не могли помочь никакія международныя конвенціи.

Берлинскій конгрессъ (іюнь—іюль 1878 г.) только оформилъ, согласіемъ всей Европы, результаты русско-англійской сдѣлки. Того значенія, которое приписывало этому конгрессу русское общественное мнѣніе, не посвященное въ тайну англо-русскихъ переговоровъ, онъ не имѣлъ. Онъ интересенъ лишь, какъ яркая бытовая картинка изъ жизни не только русской, но и европейской дипломатіи. Чего стоитъ, напримѣръ, хотя бы воспроизведенный въ запискахъ Шувалова разговоръ Дизраэли (тогда уже лорда Биконсфильда) съ кн. Горчаковымъ о русско-турецкой границѣ въ М. Азіи. Первый изъ собесѣдниковъ, по авторитетному заявленію его коллеги, Салисбери, никогда въ жизни не видалъ карты М. Азіи; второй, при равномъ невѣжествѣ въ географіи, былъ, кромѣ того, чрезвычайно разсѣянъ. Онъ ориентировался по *секретной* картѣ русскаго главнаго штаба—гдѣ были нанесены максимальные предѣлы русскихъ уступокъ—и, позабывъ объ ея секретности, далъ ее „на часокъ“ англичанамъ. Когда послѣдніе потомъ съ необычайной мѣткостью стали нажимать всюду до максимума, Горчаковъ былъ въ отчаяніи и громко вопіялъ объ „измѣнѣ“. Къ счастью, Биконсфильдъ и послѣ этого остался столь же невиненъ въ географіи, и происшедшій между нимъ и Горчаковымъ архи-комическій споръ далъ поводъ для германскаго вмѣшательства. При помощи нѣмцевъ, турокъ все же удалось оттѣснить отъ „максимальной“ границы. Не давъ ничего новаго, берлинскій конгрессъ, какъ и предшествовавшая ему англо-русская сдѣлка, оставилъ открытымъ главный вопросъ, около котораго вертится вся исторія русско-турецкихъ войнъ со времени Екатерины II,—вопросъ о Константинополѣ и проливахъ. Въ *этомъ* вопросѣ война 1877—78 гг. осталась лишь порывомъ—и не послѣднимъ.

Въ томъ видѣ, какъ они изображены выше, эти порыванія могутъ показаться дѣломъ отдѣльныхъ личностей. Но мы видѣли уже много разъ, что за личной политикой всегда скрывается объективная историческая необходимость,—необходимость экономическая. Странно было бы, если бы русская политика на Ближнемъ Востокѣ представляла собою исключеніе. Но разбирать этотъ вопросъ во всей его широтѣ здѣсь нѣтъ мѣста: онъ вывелъ бы насъ далеко за хронологическія рамки настоящей статьи, заставилъ бы спуститься въ прошлое до царствованія Николая I и подняться въ будущее до нашихъ дней. До-

статочно сказать, что имперіалистическія порыванія къ Ближнему ли или къ Дальнему Востоку всегда предшествовались, какъ вѣрнымъ симптомомъ, расцвѣтомъ русской обрабатывающей промышленности¹⁾. Схема явленія въ сущности очень проста. Развивающаяся промышленность предполагаетъ рынокъ: но внутренній рынокъ былъ скованъ сначала прямо крѣпостными, позже полукрѣпостными, социальными отношеніями. Измѣненіе этихъ отношеній было, одновременно, въ интересахъ народнаго хозяйства въ его цѣломъ и народной массы, но не въ интересахъ господствующаго класса, крупнаго землевладенія. Сопротивленіе этого класса было всегда непреодолимой преградой для русской буржуазіи: поставленная между демократіей и дворянствомъ, она всегда клонила въ сторону послѣдняго. „Невозможность“ расширить внутренній рынокъ заставляла искать вышнихъ: при чемъ расширение, естественно, шло въ направленіи странъ, одновременно щедро надѣленныхъ природой и менѣе культурныхъ, чѣмъ Россія. Отсюда захватъ азіатской Турціи, Персіи или Манчжуріи казался условіемъ sine qua non дальнѣйшаго развитія русскаго капитализма. Дворянство охотно брало на себя роль „бронированнаго кулака“ въ этомъ случаѣ, но его боевой готовности оказывалось мало. Искусственная задержка въ развитіи внутреннихъ отношеній фатально отражалась на боевыхъ качествахъ народной массы. Крѣпостной или полу-крѣпостной мужикъ, казалось бы, отличный матеріалъ для солдата, но арміямъ изъ такихъ мужиковъ никогда не везло. Неудачная, или какъ это было въ 1878 г., не вполне удачная война вновь ставила вопросъ о внутреннихъ реформахъ,—а неудача въ разрѣшеніи этого вопроса вызывала новую серію имперіалистическихъ потугъ. Только вторая русская революція, разъ навсегда покончивъ какъ съ русскимъ дворянствомъ, такъ и съ русскимъ имперіализмомъ, положить конецъ и этой сказкѣ про бѣлаго бычка.

¹⁾ Для періода, непосредственно предшествующаго русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг., мы имѣемъ такіа данныя:

ГОДА	Вновь основано акціон. к-ій.	Переработано иностр.		Выплавлено чугуна.
		хлопка, пряжи.		
			Тысячи	Пудовъ.
1870	33	2801	254	21949
1873	106	3530	323	23484
1876	41	4708	340	26957

Цифры взяты у Туланъ-Барановскаго «Русская фабрика».